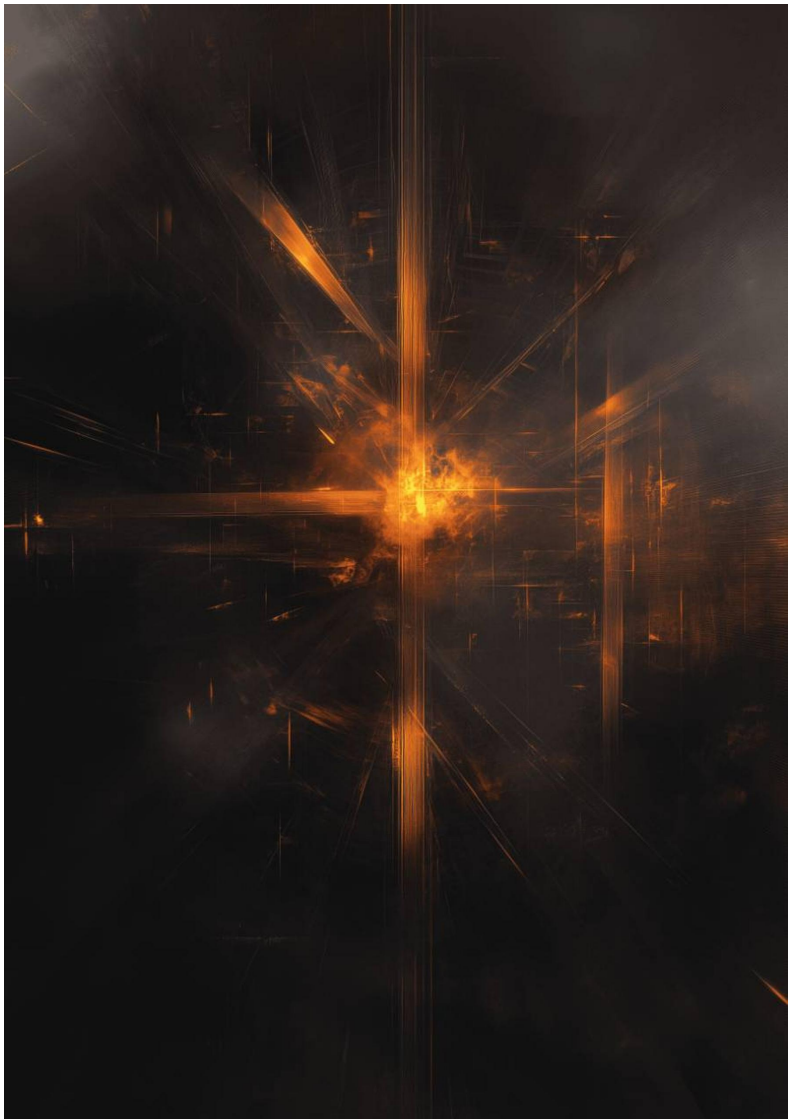

Даниил Орлов

Не отключайся

<https://litres.ru/74652703>

SelfPub; 2026

Аннотация

Школьный психолог Вера Нестерова выходит на ночное дежурство в городской диспетчерской и слышит голос подростка, который знает фразу из закрытой консультации. Пока вызовы уходят на неверные адреса, машины исчезают с карты, а в деле её приёмной дочери появляются чужие записи, единственным человеком, способным объяснить сбой, оказывается Лариса — руководитель смены и давняя подруга Веры.

Но у Веры есть собственная тайна: год назад она изменила время кризисного сообщения, чтобы скрыть опоздание. Лариса предлагает сохранить опеку и репутацию, если Вера перестанет задавать вопросы. Чтобы вернуть линию реальным людям, Вере придётся первой раскрыть свою ложь, отказаться торговаться голосом дочери и доказать подмены без догадок о том, кто говорит в трубке.

«Не отключайся» — психологический триллер о правде, которую нельзя исправить задним числом, и о связи, остающейся безопасной лишь тогда, когда каждый вправе её прервать.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Ночная смена	6
Глава 2. Третий звонок	26
Глава 3. Не тот адрес	52
Глава 4. Голос знакомой	70
Глава 5. Минус семь минут	87
Глава 6. Аня не отвечает	103
Глава 7. Смена по правилам	124
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Даниил Орлов

Не отключайся

От автора

Экстренная линия существует для минуты, когда человек не может справиться один. Мы привыкли думать, что помощь начинается с голоса в трубке, но между звонком и открывшейся дверью стоят время, адрес, запись, свободная машина и решения людей, которых звонящий никогда не увидит.

Эта история — о доверии к тем, кто соединяет просьбу с действием. Ещё она о памяти: не только человеческой, изменчивой и удобной, но и служебной, составленной из карточек, журналов и отметок. Запись способна защитить правду, однако сама по себе не делает её полной. Важно, кто создал запись, когда она появилась и какое действие последовало.

Герои романа вымышлены. Диспетчерская, её устройство и события созданы для сюжета и не описывают конкретную службу. Здесь нет универсальной инструкции для чрезвычайной ситуации: в реальной опасности нужно обращаться по официальным экстренным номерам своего региона и выполнять указания специалистов.

Главный вопрос книги проще любой техники: можно ли назвать помощью поступок, за который позже требуют молчания? Вера Нестерова узнает ответ не тогда, когда разоблачает чужую подмену, а когда перестаёт прятать собственную.

Глава 1. Ночная смена

В двадцать две сорок семь стеклянные двери диспетчерской разошлись перед Верой и не сразу закрылись за спиной. В щель потянуло мокрым асфальтом. Дождь уже закончился, но с козырька продолжало капать на металлический подоконник — размеренно, будто кто-то за стеной проверял связь.

Охранник за турникетом поднял глаза от журнала.

— Нестерова? Вы сегодня не по списку.

— Вместо Корнеева. Он прислал замену час назад.

— Мне не прислал.

Вера вынула телефон. Сообщение от координатора всё ещё висело неп прочитанным: «Срочно сможете? У Ильи температура. Белова в курсе». Ни подписи, ни объяснения, почему из городского резерва вызвали именно школьного психолога, который последний раз сидел на ночной линии в апреле.

Охранник перелистнул страницу. Под прозрачным карманом его бейджа лежала фотография девочки с двумя белыми бантами. Он посмотрел на экран Вериного телефона, но не взял его в руки.

— Белова сейчас спустится.

— Я могу ей позвонить.

— Здесь нельзя проходить по звонку. Только по списку

или если руководитель лично забрал.

Вера кивнула. Правило было разумным, и всё же ей стало неприятно от слова «лично». В школе правила обычно существовали до появления человека, ради которого их хотелось обойти. В диспетчерской, как объясняла Лариса, всё должно было быть наоборот: сначала порядок, потом сочувствие. Иначе одна убедительная история отнимет машину у того, кто не умеет говорить убедительно.

Телефон дрогнул в ладони. На экране появилось имя Ани.

«Ты дошла?»

Вера быстро ответила: «Да. Жду Ларису у поста. У тебя всё хорошо?»

Три точки возникли сразу, исчезли, появились снова.

«Тамара Петровна заставляет допить кефир».

«Это чрезвычайная ситуация?»

«Пока нет».

Вера улыбнулась и только после этого заметила, как сильно сжимала ремень сумки. Она написала: «Я позвоню в полночь. Если будешь спать, не буди себя ради меня».

Ответ пришёл одним словом: «Ладно».

Раньше Аня ставила после него точку. Последние две недели перестала. Вера не знала, означало ли это, что девочка привыкла к ней, или, наоборот, уже устала обозначать раздражение.

За дверью служебного коридора щёлкнул замок. Лариса вышла без пиджака, в тёмной рубашке с закатанными рука-

вами. На шее у неё висела гарнитура, тонкий микрофон касался ключицы. Она шла быстро, но не торопливо, и это с юности было её главным талантом: рядом с Ларисой любое опоздание казалось заранее рассчитанным.

— Верка, прости. Список выгружали до замены. — Она приложила карточку к турникету. — Юрий Николаевич, это мой человек.

Охранник вписал время от руки.

— Ваш человек всё равно расписывается сам.

— И правильно.

Вера поставила подпись напротив 22:51. Чернила расплылись на влажном от её рукава листе. Лариса дождалась, пока она вернёт ручку, и обняла одной рукой — легко, почти служебно.

— Спасибо, что выручила. Илью увезли с подозрением на воспаление лёгких. Двое из резерва за городом, ещё одна не отвечает.

— Я тоже могла не ответить.

— Но ответила.

Они прошли через узкий коридор. Слева тянулись двери с матовыми окнами: комната отдыха, медпункт, архив, кабинет начальника. Справа за сплошным стеклом открылся зал, похожий на тёмный поезд без окон. Три ряда столов, над каждым по два монитора, маленькие лампы, бутылки воды. На дальней стене светилась карта города. Зелёные точки машин медленно ползли вдоль улиц, красные стояли у адресов.

В углу карты мигал жёлтый прямоугольник с цифрой девять.

— Девять в ожидании? — спросила Вера.

— Было четырнадцать. Дождь. Два мелких столкновения на объездной, в Северном опять лифты встали. Ничего необычного.

Лариса открыла дверь в зал, и тишина стеклянного коридора рассыпалась на голоса.

— Не кладите трубку. Скажите, он дышит?

— Бригада уже в пути, оставайтесь у подъезда.

— Нет, самостоятельно щит не открывайте.

Люди говорили негромко. От этого просьбы, которые текли в их наушники, казались ещё громче. Вера различала только ответы, но мозг сам достраивал чужие кухни, лестницы, машины у обочины. Она сняла мокрый плащ и вдруг подумала, что не должна была соглашаться. Не сегодня, когда утром придёт инспектор по опеке, а на кухонном столе ещё лежит не подписанная школой характеристика Ани. Не после недели, в которую девочка трижды спрашивала, можно ли временную опеку отменить «просто потому, что взрослые передумали».

Лариса повесила плащ в шкаф у входа.

— Телефон в ящик. Умные часы тоже, если есть. На перерыве проверишь.

— Я обещала Ане позвонить в полночь.

— Напомню. Ты ведь оставила её не одну?

— У Тамары Петровны. Я же написала.

— Я не успеваю читать всё, что ты пишешь.

Лариса улыбнулась, однако Вера уже почувствовала укол. Она сама написала слишком много: адрес воспитательницы, номер квартиры, код двери, что Аня взяла ингалятор и синюю пижаму, хотя приступов у неё не было почти год. Так пишут не подруге, а человеку, перед которым хотят доказать свою надёжность.

Вера выключила звук, положила телефон в свободную ячейку и повернула ключ. Номер двенадцать. Ключ остался у неё, на красном пластиковом кольце.

— Если она позвонит сюда? — спросила Вера.

— Семейные звонки на рабочую линию не переводим. Но у охраны есть твой внутренний номер. В настоящей беде найдут.

Настоящую беду Лариса произнесла без насмешки. Именно поэтому спорить было трудно.

Свободное место оказалось в первом ряду, чуть в стороне от основных операторов. На столе лежали новые поролоновые накладки для наушников, запечатанные в пакет, и короткая памятка. Вера провела пальцем по краю монитора. Пыли не было.

— Обновление поставили в июне, — сказала Лариса. — Слева разговор, справа карточка. Адрес система подхватывает сама, но всегда переспрашиваешь. Категорию не угадываешь. Если сомневаешься, зовёшь Галину. Тимур ведёт радио. Все сложные решения через меня.

Галина Седова обернулась со второго ряда и подняла ладонь, не прерывая разговора. Её седые волосы были собраны так туго, что лицо казалось сердитым даже в покое. Тимур сидел у отдельного пульта перед картой. Он приветственно качнул головой и тут же прижал пальцем одну чашку наушников.

— Двадцать шестая, повторите номер дома, — сказал он.
— Не вижу вас в карточке. Повторите голосом.

На стене жёлтая девятка сменилась восьмёркой.

Лариса положила перед Верой временную карточку доступа.

— Твой старый вход закрыт. Пользуйся этим.

На карточке было напечатано «ПСИХОЛОГ-2», без фамилии.

— А журнал действий?

— Всё пишется на смену и рабочее место. Ты села в двадцать два пятьдесят восемь, я отмечу.

— Но действия будут не на меня.

— Будут на мой допуск. Резерв так и работает.

Вера не вставила карточку.

— Весной у меня был личный вход.

— Весной не было обновления. Вер, мы можем сейчас открыть регламент на сорок страниц, а можем принять людей, которые висят в ожидании. Я отвечаю за твои действия. Тебе этого мало?

За соседним столом молодой оператор тихо повторил: «Я

вас слышу. Связь не пропала». Вера посмотрела на жёлтую цифру. Семь.

— Достаточно, — сказала она и вставила карточку.

Экран вспыхнул. В верхнем углу появилось имя Ларисы Беловой, ниже — номер места. Вера почувствовала, что должна ещё раз возразить, но гарнитура уже подала короткий сигнал проверки.

— Скажи что-нибудь, — попросила Лариса.

— Проверка связи.

— Громче.

— Проверка связи.

На экране поползла зелёная полоса.

— Хорошо. Первые два звонка я слушаю параллельно. Если подросток и нет прямой угрозы жизни, держишь на линии, пока мы ищем взрослого рядом. Если есть угроза — сразу знак рукой. Не обещай тайну. Не спорь. Не проси доказать, что ему плохо.

— Я помню.

— Я знаю, что ты помнишь. Я хочу, чтобы ты слышала это сегодня.

Вера повернулась к ней.

— Почему сегодня?

Лариса уже смотрела на свой планшет.

— Потому что сегодня ты устала и пришла без подготовки.

Она коснулась Вериного плеча и ушла к третьему ряду.

Там оператор поднял руку, не отрывая взгляда от монитора.

Вера поправила микрофон. На чёрном стекле правого экрана отражалось её лицо — бледнее обычного, волосы потемнели от дождя у висков. В школе дети замечали такую усталость раньше неё. «Вы сегодня как будто слушаете из другой комнаты», — сказал на прошлой неделе девятиклассник Саша. Она ответила, что иногда каждому нужно несколько секунд, чтобы вернуться. Потом записала это в карточку как его трудность удерживать контакт.

Ей стало стыдно только сейчас.

Первый звонок пришёл в 23:03. Звук был обычным, коротким, почти домашним. Вера нажала клавишу.

— Городская линия помощи, психолог Вера. Я вас слушаю.

В трубке шумела вода. Женщина говорила из ванной, запершись от мужа после ссоры. Она не была ранена, муж не ломал дверь, в квартире находился их семилетний сын. Вера задавала короткие вопросы, а Лариса стояла за стеклом и слушала через планшет. Адрес появился справа сам. Вера попросила назвать его вслух, отметила ребёнка, предложила женщине не выходить для продолжения разговора и передала карточку дежурному специалисту семейной службы. Перед нажатием последней кнопки она ещё раз проверила номер квартиры.

— Я всё испортила, — сказала женщина, когда соединение уже начиналось.

— Сейчас важно не решить всю жизнь, а провести ближайшие десять минут безопасно. Новый специалист останется с вами.

— А вы уйдёте?

— Я передам ему всё, что вы рассказали. Вам не придётся начинать сначала.

Вера дождалась второго голоса и только тогда отключилась. На экране загорелась отметка «ПЕРЕДАНО». Лариса показала большой палец.

Второй звонок был от пожилого мужчины, который слышал шаги в квартире умершей соседки. Галина быстро нашла номер её сына. Через четыре минуты выяснилось, что тот приехал забрать документы и забыл предупредить жильцов. Вера услышала, как мужчина неловко смеётся, и не стала смеяться вместе с ним.

— Вы правильно сделали, что проверили, — сказала она.

После отбоя очередь исчезла. На карте осталось пять красных точек и россыпь зелёных. Кто-то принёс из комнаты отдыха чай в бумажных стаканах. Крышки шуршали, кресла поскрипывали, голоса стихли. Ночь будто окончательно вошла в здание и устроилась между столами.

Лариса поставила возле Веры стакан.

— Два из двух. Ещё не разучилась.

— Такое не забывается.

— Всё забывается, если долго не повторять.

— Ты поэтому вызвала меня, а не другого психолога?

Лариса присела на край пустого стола. В синем свете экранов под её глазами проступили тени.

— Я вызвала тебя, потому что доверяю.

— Мой доступ закрыт, я сижу под твоим именем, а охрана не знала, что я приду.

— Илья заболел не по графику. Твой доступ закрыли автоматически после трёх месяцев без смен. Я могу прямо сейчас поднять начальника отдела и попросить временный личный. Он спросит, почему ты не прошла переаттестацию после обновления. Потом спросит, почему я вообще посадила тебя за пульт. Хочешь правильный путь — снимай гарнитуру, я найду кого-нибудь к часу.

Вера взяла стакан. Чай был слишком горячим, запах дешёвого лимона перебивал всё остальное.

— Не хочу.

— Тогда не ищи угрозу в каждой кривой строчке. Здесь достаточно настоящих.

Лариса сказала это мягко, почти с заботой. Вера вспомнила, как год назад сидела у неё на кухне до рассвета. Аня тогда ещё жила у дальних родственников, комиссия требовала бумаги, школа готовила служебную проверку. Лариса печатала объяснение на старом ноутбуке и каждый раз удаляла фразы, в которых Вера пыталась оправдаться. «Либо пишешь, что сделала, либо не пишешь ничего», — говорила она. Вера послушалась почти во всём.

Почти.

Семь минут остались между двумя версиями карточки. В первой было видно, когда Саша позвонил в школьный кабинет и сколько времени Вера не брала трубку. Во второй время стояло позже — после того, как она вернулась с совещания и увидела пропущенный. Семь минут не изменили исход: мальчика нашла мать, он был жив, помощь приехала. Но именно эти семь минут позволили Вере сказать комиссии, что она ответила сразу.

Она не знала, видела ли Лариса первую запись. Никогда не спрашивала. Благодарность иногда похожа на договор, условия которого страшно перечитать.

— Как Аня? — спросила Лариса.

— Нормально.

— Это слово у тебя означает всё от пятёрки по алгебре до побега из дома.

— Она не убегала.

— Я образно. Инспектор всё ещё завтра?

— В десять.

— Тогда в шесть я тебя отпущу, даже если смена до восьми. Поспишь два часа.

— Не надо делать мне одолжение.

— Это не одолжение. Сонный опекун выглядит хуже опоздавшего сотрудника.

Улыбка у Ларисы осталась, а Вера почувствовала холод между лопатками. Она поставила чай, не сделав глотка.

— Ты читала мою переписку с отделом опеки?

— Ты сама прислала мне проект заявления.

— Про инспектора там не было.

— Значит, сказала. Вер, ты сейчас правда хочешь выяснять, откуда твоя подруга знает о важном дне?

На пульте вспыхнул входящий. Вера надела гарнитуру, хотя не снимала её полностью, и нажала приём. Лариса задержалась рядом.

— Городская линия помощи, психолог Вера. Я вас слушаю.

Тишина.

Не пустота соединения: Вера слышала дыхание, очень близкое к микрофону, и слабый треск, словно абонент прятал телефон под тканью.

— Я останусь на линии, — сказала она. — Можете не говорить сразу.

Дыхание прервалось.

Потом мальчик или девочка — по одному выдоху было не понять — прошептал:

— Она рядом.

Лариса выпрямилась. Вера подняла ладонь, показывая, что возможна угроза.

— Вам сейчас нельзя говорить громко?

Едва слышный стук. Один раз.

— Если один стук означает «да», стукните ещё раз.

Стук повторился.

На правом экране появилась карточка. Система определи-

ла район — Восточный, улица Полевая. Номер дома мигал серым, будто ещё уточнялся.

— Вы в квартире?

Два стука.

— В машине?

Два.

— В общественном здании?

Один.

Вера стала называть места: школа, больница, торговый центр. На слове «школа» раздался один стук. Лариса уже писала что-то на планшете. Справа возник номер: Полевая, 18. Вера знала этот адрес. Там была школа с углублённым английским, но не её.

— Вы ученик этой школы?

Один стук.

— Сейчас в здании есть взрослый, которому вы доверяете?

Два.

Шорох усилился. На дальнем плане хлопнула дверь. Абонент втянул воздух.

— Не отвечайте, если опасно. Помощь можно отправить без вашего имени. Мне нужно понять, что происходит прямо сейчас. Кто-то угрожает вам?

Один стук.

Лариса показала на карточку и сделала жест: передавай. Вера выбрала срочную категорию, нажала «направить» и

увидела зелёную надпись «ПРИНЯТО». На карте одна машина сменила маршрут.

— Помощь направлена. Я останусь с вами. Если можете, отойдите туда, где дверь закрывается изнутри.

В трубке слышались быстрые шаги. Не абонента — тяжёлые, приближающиеся. Потом чужой голос, искажённый расстоянием, произнёс:

— Я знаю, что ты там.

Связь оборвалась.

Вера замерла с пальцами над клавишами. На экране шёл отсчёт времени после разъединения: одна секунда, две, три.

— Перезваниваем? — спросила она.

— Нет, — ответила Лариса. — Можем выдать телефон. Передали тихий вход, ждём экипаж.

Тимур уже говорил по радио. Машина была в шести минутах. Галина пересела ближе к карте. Обычная собранность зала изменилась: никто не повысил голос, но все движения стали короче.

— Запись сохранилась? — спросила Вера.

— Автоматически, — сказала Лариса. — Не открывай сейчас. Повторное обращение пойдёт к тебе.

— Почему?

— Потому что ты уже установила контакт.

Вера кивнула. Во рту остался лимонный запах чая, которого она не пила.

Через три минуты линия вспыхнула снова. Номер опре-

делился тот же. Вера приняла мгновенно.

— Я здесь.

На этот раз подросток говорил. Голос был высокий, сорванный.

— Они пошли не туда.

— Кто пошёл не туда?

— Машина. Вы отправили её не туда.

Вера посмотрела на карточку. Полевая, 18. Машина приближалась к перекрёстку.

— Назовите адрес, где вы находитесь.

— Я не могу. Она увидит.

— Тогда ориентир. Что видно из окна? Что написано на двери? Любая цифра.

Подросток молчал. За его спиной работал телевизор или радио. Женщина говорила ровным голосом, слишком тихо, чтобы разобрать слова.

— Вы сказали, что это школа, — продолжила Вера. — На Полевой, восемнадцать, сейчас едет помощь. Это не ваша школа?

— Нет.

— Как называется ваша?

— Вы же знаете.

— Я вижу только тот адрес, который передала система.

— Не врите. Вы всегда говорите, что не помните, а потом записываете.

У Веры похолодели пальцы.

Лариса придвинулась, коснулась кнопки параллельного прослушивания. Вера не посмотрела на неё.

— Мы раньше разговаривали?

— Вы сказали считать предметы. Пять вещей, которые вижу. Четыре, которых могу коснуться. Три звука.

Это упражнение знали тысячи психологов. Вера использовала его редко и каждый раз добавляла свою фразу, чтобы ребёнок не превратил счёт в экзамен.

Подросток произнёс её дословно:

— Если собьёшься, не начинай сначала. Здесь тебя никто не проверяет.

Вера почувствовала на плече руку Ларисы.

— Не называйте имя, — сказала Вера. — Скажите только: мы встречались в школе?

— Да.

— В этом учебном году?

— Вы опять тянете время.

На фоне женский голос стал громче. Теперь Вера различала интонацию: кто-то читал вслух. Не говорил с подростком, а читал. Одни и те же слова повторялись через равные промежутки.

— Поднесите телефон ближе к двери, если это безопасно, — попросила Вера.

Шорох. Женщина за дверью сказала: «Служебная проверка проводится в срок до тридцати рабочих дней».

Вера знала этот голос.

Год назад он звучал в её кабинете после уроков. Девочка сидела у батареи, закатывала рукава свитера на ладони и читала вслух всё, что попадалось на глаза: памятку о прививках, расписание, приказ на доске. Так ей было легче не отвечать на прямые вопросы.

— Кира? — вырвалось у Веры.

Лариса сжала её плечо.

В трубке стало совсем тихо.

Потом подросток прошептал:

— Вы обещали не называть.

Связь оборвалась второй раз.

На правом экране адрес Полевая, 18 мигнул и стал зелёным: экипаж прибыл.

Тимур поднял руку, требуя тишины.

— Двадцать шестая на месте. Школа закрыта, признаков проникновения нет. Охранник один, вызова не делал.

Вера смотрела на зелёную строку, пока буквы не начали двоиться.

— Кира уехала, — сказала Лариса рядом. — Ты сама мне говорила. Мать забрала её летом.

— Я слышала её голос.

— Ты слышала голос на плохой связи после двух фраз, которые мог знать любой твой ученик.

— Эту фразу я не писала в карточках.

— Значит, дети повторяли друг другу.

Вера открыла историю обращения. Лариса тут же нахло-

нилась к экрану.

— Я сказала не лезть в запись во время активного вызова.

— Вызов оборван. Адрес неверный.

— Тогда сначала ищем номер через техническую группу.

Вера нажала на строку с исходными данными. На долю секунды появилось предупреждение: «Архивная копия будет создана после закрытия карточки». Затем окно исчезло. В поле адреса снова стояла Полевая, 18, но под ним мелким шрифтом возникла отметка: «Уточнение маршрута: оператор».

— Я адрес не уточняла, — сказала Вера.

Лариса выпрямилась.

— Ты спросила, школа ли это.

— Номер дома я не называла. Его подставила система.

— Возможно, абонент назвал до того, как ты включилась.

Автораспознавание ловит первые секунды.

— Там было дыхание.

— Вер, не сейчас.

Внизу карточки появилась ещё одна строка: «Ответственный: Белова Л. А.»

Конечно, подумала Вера. Она работала под Ларисиным доступом. Любое действие этой ночи будет принадлежать подруге — и ни одно нельзя будет доказать своим.

На пульте загорелся новый входящий. Тот же номер.

Вера потянулась к клавише, но звонок перескочил на соседнее место. Молодой оператор вздрогнул и принял.

— Городская линия помощи, оператор Максим. Я вас слушаю.

Он помолчал, нахмурился.

— Алло? Вас не слышно.

Вера встала.

— Это мой повторный.

— Сядь, — тихо сказала Лариса.

Максим повторил приветствие и отключился.

— Пустая линия, — сообщил он.

На Верином экране история обновилась. Три обращения. Первые два шли с одного номера. Третье — без номера, хотя система связала его с той же карточкой.

Часы в углу показывали 23:31.

Вера посмотрела на карту. Экипаж у Полевой уже разворачивался. Шесть минут туда, несколько минут на проверку, столько же обратно. Пока взрослые машины двигались по нарисованному адресу, подросток оставался там, где адрес нельзя было назвать.

Лариса сняла руку с её плеча.

— Сейчас придёт технический специалист. Ничего не открывай и не меняй.

— Я и не меняла.

— Я знаю.

Лариса ушла к Тимуру. Они заговорили вполголоса перед картой. Вера снова села и положила обе ладони на стол, чтобы не касаться клавиш. На чёрной полосе под карточкой

медленно ползла белая точка — система сохраняла запись.

В школе Кира читала служебные бумаги только тогда, когда очень боялась. Летом её мать действительно написала заявление о переводе. Личного дела в сентябре уже не было. Вера видела приказ, закрыла карточку и решила, что отъезд состоялся. Она не позвонила. Не спросила, доехали ли они. Закрытая карточка всегда притворялась завершённой историей.

Белая точка доползла до края. Вместо значка записи появился серый замок.

Вера подвела курсор. Над замком всплыла надпись: «Доступ ограничен руководителем смены».

Она подняла глаза.

Лариса стояла к ней спиной у радиопульта. На планшете в её руке светилась та же карточка.

Глава 2. Третий звонок

Вера подождала, пока Лариса закончит говорить с Тимуром. Подруга не оборачивалась. На её планшете светилась закрытая карточка, а большой палец медленно двигался по нижнему краю экрана, будто Лариса читала строку, которой на Верином мониторе уже не было.

В зале снова зазвонили телефоны. Сразу три сигнала слились в короткую трель, операторы заговорили, карта на стене покрылась новыми красными точками. Обычная работа вернулась так быстро, словно подросток, запертая комната и машина у пустой школы были досадной паузой между настоящими событиями.

Вера не села.

— Мне нужен третий звонок, — сказала она, когда Лариса подошла.

— Он пустой.

— Я хочу услышать, насколько пустой.

— Максим уже принял и подтвердил. Там не было голоса.

— Дыхание тоже не голос.

Лариса положила планшет экраном вниз на край стола. Тот был защищён плотным чёрным чехлом, на углу белела царапина. Вера помнила эту царапину ещё с весны, когда они вместе принимали учебную тревогу. Тогда планшет лежал у каждого оператора по очереди. Теперь Лариса не выпускала

его из рук.

— Технический специалист идёт, — сказала она. — Ты его дождёшься и задашь вопросы. Но не открывай карточку через обходные окна. Любое новое обращение перезапишет очередь событий.

— Какое новое обращение? Карточка закрыта.

— Повтор с того же номера приклеится к ней.

— Третий был без номера.

— Значит, не приклеится.

— Он уже приклеился.

На мгновение взгляд Ларисы сместился к серому замку на экране. Не удивление — проверка. Словно она хотела убедиться, что Вера увидела ровно столько, сколько было разрешено.

— Автоматика связывает по множеству признаков, — сказала Лариса. — Время, линия, похожий звук. Иногда ошибается.

— Тогда почему ты называешь его повтором?

— Потому что он пришёл через двадцать секунд после второго обрыва и попал на соседний пульт. Вер, ты сейчас ищешь точность в моих словах или ребёнка?

Вопрос ударил именно туда, куда был направлен. Вера почувствовала, как за рёбрами поднимается знакомое желание немедленно доказать, что она думает прежде всего о ребёнке. Оно всегда заставляло её говорить быстрее, обещать больше и соглашаться на чужой порядок действий, лишь бы

никто не принял осторожность за равнодушие.

Она посмотрела на часы. 23:34.

— Ребёнка, — сказала она. — Поэтому мне нужны не твои слова, а звук и маршрут.

Лариса выдержала паузу.

— Сядь. Когда придёт Олег, послушаем вместе.

— Кто такой Олег?

— Дежурный инженер.

— Ты сказала, технический специалист.

— Он инженер технической службы. Не превращай каждую фразу в допрос.

Лариса забрала планшет и ушла к Максиму. Вера села, но гарнитуру не надела. Серый замок не исчез. Под ним появилась короткая строка: «Архивация отложена». Через секунду строка погасла.

Она взяла бумажную памятку и перевернула чистой стороной. Ручки на столе не было. На школьных приёмах она держала по две в каждом ящике, ещё одну в кармане, потому что дети часто уносили их машинально. Здесь возле мониторов не лежало ничего, что могло оставить след вне системы.

— Галина Сергеевна, у вас есть ручка?

Галина прикрыла микрофон ладонью и указала на внутренний карман жилета. Вера подошла, достала короткую синюю ручку и показала её хозяйке. Та кивнула, уже возвращаясь к разговору.

На обороте памятки Вера записала время.

23:18 — первый звонок. Дыхание. «Школа». Полевая, 18 появилась сама.

23:25 — второй. Подросток. Машина не туда. Фраза из консультации. Женский голос читает про тридцать рабочих дней. Названо имя Кира. Обрыв.

23:31 — третий. Без номера. У Максима. Он не слышал ничего.

Она перечитала и зачеркнула «не слышал ничего». Написала: «сказал: пустая линия».

Разница была маленькой и важной. Максим мог не услышать звук, который не вывели ему в наушники. «Пустая линия» было не фактом, а привычным названием для отсутствия ответа.

Вера посмотрела на его место. Молодой оператор сидел через два стола, совсем рядом. На вид ему было лет двадцать пять. Светлая чёлка падала на глаза, он отбрасывал её движением головы, не отрывая рук от клавиатуры. Сейчас он принимал сообщение о запахе газа в подъезде и медленно, по слогам повторял адрес. Голос у него был спокойный. Вера дождалась, пока карточка уйдёт в городскую службу и он снимет гарнитуру.

— Максим, вы помните третий звонок на мою карточку? Он посмотрел сначала на неё, потом через её плечо.

— Пустой который?

— Что именно вы слышали?

— Ничего.

— Шипение, дыхание, щелчок, фон?

— Вроде нет. Я сказал «алло» два раза, потом отключился.

— Линия была открыта все эти секунды?

— Ну да. Счётчик шёл.

— Сколько?

Максим снова посмотрел за её спину. Лариса стояла у карты и разговаривала с Тимуром, но лицо было повёрнуто в их сторону.

— Не помню. Секунд двенадцать.

— Вы видели номер?

— Там была ваша карточка. Я подумал, перекинуло повтор.

— Номер абонента.

— Не смотрел.

— А что было написано до того, как открылась карточка?

Максим нахмурился.

— Как обычно. Входящий, линия...

— Какая линия?

— Третья, кажется.

— У нас есть линии с номерами?

— Есть входные каналы. — Он пожал плечами. — На пульте они цветом. Третья синяя.

Вера записала: «синяя».

— Спасибо.

— Я что-то не так сделал?

— Я пока не знаю, что произошло. Это не одно и то же.

Максим кивнул, однако облегчения на его лице не появилось. На его пульте загорелся новый вызов. Он надел гарнитуру так поспешно, что дужка зацепила волосы.

Вера вернулась за стол. Слово «синяя» ничего ей не говорило. Первый и второй звонки на экране не были окрашены: строки выглядели одинаково серыми. Она подвела курсор к значку телефона, не нажимая. Всплыла надпись: «Основной городской вход». Рядом с третьим обращением значка телефона не было. Вместо него стоял маленький квадрат с двумя стрелками.

Она переписала знак на бумагу.

— Уже расследуешь? — спросила Галина.

Свой разговор она закончила. Теперь старшая оператор разминала пальцы, по одному прижимая их к столу. Вблизи Вера заметила, что кожа на костяшках покраснела.

— Пытаюсь понять третий звонок. Максим сказал, он пришёл по синему каналу.

— Синие — внутренние перекидки.

— Из другого отдела?

— Из любого места в здании. Иногда с городской линии сначала попадают к общему оператору, потом он перебрасывает. Тогда номер должен сохраниться.

— А если не сохранился?

— Значит, перекинули не разговор, а пустое соединение. Или обновление опять чудит.

Галина потянулась к Вериному монитору, увидела серый замок и остановила руку.

— Кто закрыл?

— Внизу было написано «руководителем смены».

— Тогда жди Ларису.

— Она ждёт инженера.

— Значит, инженера.

— На втором звонке женщина за дверью читала фразу про служебную проверку. «Проводится в срок до тридцати рабочих дней». Вы знаете, где могут лежать такие бумаги?

Галина посмотрела на неё с тем выражением, которым взрослые смотрят на слишком простую загадку.

— Везде. Школа, опека, полиция, любая контора.

— Она читала вслух.

— Люди вслух читают что угодно, когда боятся или плохо видят.

— Эта девочка читала так в моём кабинете.

— Ты уверена, что это она?

Вера положила ручку. Можно было ответить «да» и превратить узнавание в факт. Можно было ответить «нет» и сделать вид, что голос не важен. Обе версии были слишком удобными.

— Я узнала голос, — сказала она. — Но связь была плохой, и я ждала, что услышу знакомого человека. Поэтому имени у меня пока нет.

Галина едва заметно кивнула.

— Вот это уже полезно.

— Что полезно?

— Что ты не просишь нас искать конкретную девочку по одному голосу. У нас город не маленький.

— Но искать подростка всё равно нужно.

— Нужно. Дай признак, который можно передать экипажу.

— Запертая комната в школе.

— Это твой вывод. Подросток сказал слово «школа»?

Вера открыла рот и вспомнила первый разговор. «Вы в школе?» — спросила она. «Да», — ответил подросток. Или ей так запомнилось после того, как на экране появился адрес школы?

Она потянулась к карточке, снова увидела замок.

— Нужно послушать запись.

— Вот и дождись инженера.

Галина надела гарнитуру. Разговор был закончен не потому, что она не хотела помогать, а потому, что без записи помощь превращалась в угадывание. Вера вернулась к бумаге и рядом со словом «школа» поставила вопросительный знак.

Её телефон лежал в ящике у входа. До полуночи оставалось двадцать минут. Если бы Аня сейчас написала, Вера не увидела бы. Она сама согласилась на это правило, потому что рабочие линии нельзя отвлекать. Она сама сообщила Ларисе адрес Тамары Петровны. Сама села под чужим доступом. Каждое решение по отдельности казалось разумным. Вместе

они оставили ей только бумажную памятку и одолженную ручку.

Дверь служебного коридора открылась. В зал вошёл невысокий мужчина в сером рабочем свитере. На ремне у него висели отвёртки и маленький фонарь, в руке был ноутбук с потёртым углом. Лариса встретила его у порога.

— Олег, место четыре. Три связанных обращения, на третьем пропал номер.

— Добрый вечер и вам, — сказал он.

— Доброй ночи. У нас ребёнок мог остаться без помощи.

Олег перестал улыбаться. Подошёл к Верину столу, поставил ноутбук и прочитал номер карточки с экрана.

— Кто работал?

— Нестерова, под моим допуском, — ответила Лариса.

— Тогда вы остаётесь. Остальные отойдите.

— Я психолог, который принял звонок, — сказала Вера.

Олег посмотрел на Ларису.

— Она остаётся, — решила та. — Но ничего не трогает.

Инженер подключил к порту под столом тонкий кабель. На его ноутбуке открылось чёрное окно с белыми строками. Вера не понимала обозначений, но видела время. 23:18, 23:25, 23:31. Возле первых двух строк стояли длинные последовательности цифр. Возле третьей — короткое слово LOCAL.

— Это внутреннее? — спросила она.

— Да.

Лариса наклонилась ближе.

— У нас нет внутреннего абонента с этой карточкой.

— Карточка и соединение — разные вещи, — сказал

Олег. — Карточку к третьему прилепил сервер по идентификатору сеанса. А звонок пришёл с внутреннего шлюза.

— Откуда именно?

— Сейчас.

Он набрал команду. Строки исчезли, появились новые.

Олег листал их, хмурясь.

— Шлюз второй этаж, северное крыло.

— Там архив и переговорные, — сказала Лариса. — Ночью никого.

— И дежурная комната технической группы, — добавил Олег.

— Вы оттуда звонили?

— Я был в подвале. Насос опять ругался на давление. И зачем мне звонить вашему Максиму?

— Я не обвиняю. Спрашиваю.

— А звучит бодро.

Вера смотрела на время третьего звонка.

— Можно установить аппарат?

— Если соединение шло с проводного телефона — да. Если через служебную программу — будет учётка. Сейчас посмотрю.

Лариса выпрямилась.

— Сначала запись. Нам нужно понять, был ли там ребё-

НОК.

— Вы сказали, линия пустая.

— Оператор сказал.

— Тогда записи хватит на десять секунд.

Олег открыл папку. Рядом с первыми двумя обращениями стояли значки звука, возле третьего — белый лист.

— Не записалось, — сказал он.

— Почему?

— Внутренние переводы пишутся на исходном месте до передачи. На принимающем только после ответа абонента. Если передали тишину, здесь файла не будет.

— Найдите исходное место, — сказала Вера.

— Я как раз пытаюсь.

Лариса положила ладонь на спинку её кресла.

— Не командуй человеком, который нам помогает.

Олег коротко взглянул на них обеих и снова уткнулся в экран.

— Исходная учётка скрыта. Не ошибка, именно скрыта.

— Кем? — спросила Вера.

— Системной настройкой. Так приходят учебные вызовы, чтобы оператор заранее не видел, что это проверка.

В зале будто стало тише. На самом деле операторы продолжали говорить, кто-то двигал кресло, у Тимура шипело радио. Но слово «учебные» отделило их стол невидимой стеной.

Лариса убрала руку со спинки.

— Сегодня нет учений.

— В журнале запланированных нет, — согласился Олег.

— Значит, сбой обновления.

— Обновление было четыре месяца назад.

— Сбои не смотрят на календарь.

Олег не ответил. Он вынул из кармана очки, протёр их краем свитера и открыл ещё одно окно.

Вера посмотрела на Ларису.

— Ты сказала, повторное обращение автоматически пойдёт ко мне.

— Должно было.

— Но оно было внутренним учебным вызовом и ушло Максиму.

— Я этого не знала.

— Ты назвала его повтором до проверки.

— Потому что он появился в той же карточке.

— На планшете ты видела значок внутреннего перевода?

Лариса взяла планшет обеими руками.

— На моём экране другие обозначения.

— Покажи.

— Нет.

Ответ прозвучал без паузы. Не «сейчас нельзя», не «там данные других абонентов». Просто нет.

Олег перестал печатать.

— Мне нужен ваш планшет, — сказал он. — Если там открыта карточка, закрытие могло отложить архивирование.

— Архивирование уже началось.

— И отложилось. Я вижу блокировку мобильной сессией.

Лариса положила планшет рядом с ноутбуком. Экран был погашен.

— Пароль вводите сами, — сказал Олег.

Она разбудила устройство, отвернув его так, чтобы Вера не видела цифр. На секунду появилась карточка. Вера успела заметить три строки и синюю метку напротив третьей.

Олег забрал планшет, подключил вторым кабелем.

— Теперь минут пять ничего не трогаем.

— А первые два разговора? — спросила Вера.

— Могу выгрузить копию для прослушивания, но это закроет текущую сессию карточки. Потом быстро вернуть её в работу не получится, пока архив собирается.

Вера вспомнила слова подростка: «Вы опять тянете время». Если звонок повторится, открытая карточка позволит системе связать его с предыдущими. Если выгрузить запись, они потеряют быстрый возврат. Но без записи у них не было ни адреса, ни уверенности, что подросток вообще сказал о школе.

Каждая кнопка здесь обещала порядок после того, как заберёт возможность вернуться.

— Сколько займёт архив?

— Если повезёт, семь-восемь минут. Если мобильная сессия оставила незакрытый кусок — до получаса.

— А без выгрузки можно хотя бы увидеть расшифровку?

— Автораспознавание лежит внутри того же архива.

— Тогда выгружайте, — сказала Вера.

Лариса резко повернулась к ней.

— Решение принимает руководитель смены.

— Ребёнок без адреса. Нам нужен его точный ответ.

— И если он перезвонит через минуту, ты не получишь историю перед глазами.

— История перед глазами сейчас закрыта тобой.

— Потому что ты начала менять поля.

— Я открыла исходные данные. Поля не меняла.

— Система поставила отметку «уточнение маршрута: оператор». Она не возникает сама.

Олег медленно отодвинул руки от клавиатуры. Он не хотел присутствовать при споре, но уйти не мог: оба кабеля тянулись к устройствам.

Вера услышала собственное дыхание в гарнитуре, хотя та лежала на столе. Шорох был похож на первый звонок. Она сняла штекер, и дыхание исчезло.

— Я не уточняла адрес, — сказала она. — Поэтому нам нужна запись. Если там названо другое место, мы теряем время. Если места нет, будем искать признак.

Лариса смотрела ей в лицо. Вера знала этот взгляд. Так подруга смотрела на неё год назад, когда в объяснении оставалось одно предложение о семи минутах. Тогда Лариса спросила: «Ты хочешь сохранить работу или красиво наказать себя?» Вера удалила предложение. Позже убедила себя, что

Лариса лишь помогла ей не смешивать ошибку и результат.

— Галина, — позвала Лариса.

Старшая оператор сняла одну чашку наушников.

— Да?

— Если мы выгружаем аварийную копию, сможешь принять повтор без истории и записать всё вручную?

— Смогу.

— Тимур, предупреди экипаж, что адрес Полевая, восемнадцать, не подтверждён. Пусть не уезжают из сектора до уточнения.

Тимур поднял большой палец.

Лариса снова посмотрела на Веру.

— Выгружайте.

Олег нажал клавишу. На Верином экране серый замок сменился вращающимся кругом. Потом карточка исчезла целиком. Остался пустой рабочий стол и надпись: «Обращение передано в архив. Быстрое восстановление недоступно».

Вера записала время: 23:47.

— Всё, — сказал Олег. — Пути назад нет, пока не соберётся копия.

Лариса усмехнулась без радости.

— Спасибо за обнадеживающую формулировку.

— Я техник. У меня других нет.

Они ждали. Олег следил за полосой загрузки. Лариса стояла рядом, скрестив руки. Вера читала свои записи и старалась не заполнять пустые места догадками.

Первый звонок. Она спросила о школе или подросток сказал сам?

Второй. За дверью читали официальный текст. Не обязательно Кира.

Третий. Внутренний, учебный, пустой. Кто-то мог создать его, чтобы проверить операторов. Или чтобы связать два настоящих звонка с заведомо ложным и сделать всю карточку похожей на упражнение.

Полоса остановилась на шестидесяти трёх процентах.

— Мобильная сессия держит кусок, — сказал Олег.

— Планшет у вас, — ответила Лариса.

— Сессия закрывается на сервере. Ждём тайм-аут.

В этот момент на Верином пульте вспыхнул вызов.

Не старая карточка — чистое белое окно. Номер скрыт. В левом углу горела синяя метка.

— Внутренний, — сказала Вера.

— Не отвечай, — одновременно произнесла Лариса.

Галина уже встала со своего места.

Звонок шёл. Пять секунд. Шесть. Семь.

— Почему не отвечать? — спросила Вера.

— Потому что это может быть продолжение проверки, которая мешает архиву.

— Или подросток.

— Подросток не звонит из нашего здания.

— Мы пока не знаем, откуда были первые два.

Лариса потянулась к клавише отбоя. Вера накрыла её руку

своей. Они замерли над пультом.

Подруга могла отдёрнуться. Могла приказать. Вместо этого она тихо сказала:

— Если примешь внутренний звонок под моей учёткой, он опять станет моим действием.

— Тогда останься рядом.

Вера нажала приём.

— Городская линия помощи, психолог Вера. Я слушаю.

Сначала ничего не было. Потом раздался удар, будто телефон положили на твёрдый пол. Послышалось шуршание и далёкий женский голос.

— Не говори, — сказала женщина. — Просто дай им услышать.

Голос был не тот, который Вера приняла за Кирина. Старше, ниже. Он обращался к кому-то рядом, а не в трубку.

Зазвенел металлический предмет. Один раз, второй, третий. Потом послышалось гудение, ровное и сильное, и через него — объявление.

— ...последний посетительский автобус отправляется в ноль часов десять минут от восточных ворот...

Вера схватила ручку.

— Я слышу восточные ворота и автобус в ноль десять, — сказала она. — Если можете, дайте ещё один ориентир.

В трубке коротко выдохнули. Не детское дыхание — взрослое, с хрипом.

Женщина рядом повторила:

— Просто держи.

За гудением раздался резкий писк. Затем мужской голос из громкоговорителя назвал остановку, но начало слова утонуло в помехах. Вера услышала только окончание: «...ный парк».

— Повторите остановку, — попросила она, понимая, что никто в помещении не говорит с ней. — Поднесите ближе к объявлению.

Кто-то поднял телефон. Гул стал громче. Вера различила стук колёс по стыкам и дребезжание стекла.

Не комната. Транспорт.

— Следующая остановка — Выставочный парк, — отчётливо сказал громкоговоритель.

Галина уже писала на своей ладони. Тимур развернулся к карте.

— Вы в автобусе? — спросила Вера.

Дыхание приблизилось.

— Не в том, — прошептал подросток.

Связь оборвалась.

На экране осталось время разговора: двадцать семь секунд. Синяя метка погасла, номер не появился.

— Выставочный парк, — сказал Тимур. — Там ночью ходит один маршрут, сорок седьмой. Восточные ворота — конечная у старого комплекса. Последний отправляется в ноль десять.

— До парка он идёт от конечной или к ней? — спросила

Вера.

Тимур быстро открыл схему.

— К восточным воротам. Сейчас должен быть перед парком, потом депо, потом конечная. Минут двенадцать.

— Подросток сказал «не в том», — напомнила Галина. — Может, не тот автобус. Может, не тот адрес.

— Передайте экипажу оба варианта, — сказала Вера. — Водителю сорок седьмого пусть сообщат не о похищении, а о пассажире, которому нужна помощь. Без остановки в тёмном месте.

Тимур посмотрел на Ларису. Все посмотрели на неё.

Она стояла очень прямо, прижав планшет к груди, хотя кабель всё ещё тянулся к ноутбуку Олега.

— Передавай, — сказала Лариса. — И запроси транспортную диспетчерскую. Пусть водитель включает свет в салоне и едет до восточных ворот, там встретит экипаж.

Тимур заговорил по радио.

Вера почувствовала облегчение и сразу же запретила себе принимать его за результат. Они получили маршрут, но не знали, в автобусе ли подросток. Голос мог идти из записи. Объявление могло звучать в диспетчерской транспортного узла. Внутренний звонок по-прежнему пришёл из здания.

— Олег, откуда соединение? — спросила она.

Инженер смотрел на свой экран.

— Тот же шлюз. Второй этаж, северное крыло.

— Кто сейчас там?

— Судя по пропускам, никто.

— А по факту?

Он закрыл ноутбук не до конца, оставив кабели внутри, и выпрямился.

— Я схожу.

— Не один, — сказала Лариса. — Возьми охранника.

— Там дежурная комната моей службы.

— Поэтому возьми охранника. Если учётка скрыта, кто-то пользуется учебным входом без записи.

Олег кивнул и направился к двери.

— Архив? — спросила Вера.

— Собирается. Ничего не трогайте. Минут через пять вернусь.

Дверь за ним закрылась.

Лариса быстро распределила работу. Галина принимала любой повтор и писала время на бумаге. Максим обзванивал транспортную диспетчерскую по внутреннему справочнику. Тимур держал связь с экипажем. Остальные операторы продолжали обычные вызовы, хотя теперь говорили громче, будто хотели заглушить пустоту над Вериным столом.

— Ты сказала, на втором этаже ночью никого, — тихо произнесла Вера.

— Я не считала Олега. Он был в подвале.

— Там есть архив.

— Архивная комната, переговорные и техническая дежурка.

— Когда ты закрыла мою карточку, на планшете третий звонок уже был помечен синим.

— Я не смотрю на цвет каждой строки.

— Но знала, что повтор автоматически вернётся ко мне.

— Так работает система.

— Не для внутренних звонков.

Лариса оглянулась на зал. Никто не слушал их открыто, но Галина перестала шуршать бумагой.

— Чего ты хочешь от меня сейчас?

— Чтобы ты перестала объяснять то, чего не проверяла.

— Я руководитель смены. Если я после каждого сбоя буду говорить «не знаю», люди перестанут действовать.

— Может быть, иногда им нужно знать, что ты не знаешь.

— Это ты сейчас про них или про себя?

Вера не ответила. Вопрос снова был точным и снова ничего не менял.

На карте зелёная точка экипажа двинулась от Полевой к центру. Тимур передал новый адрес, получил подтверждение и показал Вере два пальца: две минуты до соединения с транспортной диспетчерской.

— Ты вызвала меня сегодня из-за этих звонков? — спросила Вера.

Лариса посмотрела на неё.

— Первый пришёл после твоего входа.

— Ты знала, что мой старый доступ закрыт. Подготовила общий. Поставила новые наклейки на наушники. Моё место

было готово.

— Я готовила место для любого резервного психолога.

— И знала про утреннюю проверку опеки.

— Мы это уже обсуждали.

— Нет. Ты сказала, что я сама рассказала. Я не помню этого.

— Потому что устала.

— Возможно.

Лариса моргнула. Она ожидала спора, а не согласия.

— Поэтому я буду записывать, — продолжила Вера. —
Время, слова, то, что видела сама. Если вспомню иначе, у
меня останется бумага.

— Бумагу после смены сдашь мне. На ней данные вызова.

— Сдам копию в журнал происшествий.

— У нас нет такого журнала для внешнего психолога.

— Значит, создадим запись через дежурного администрато-
тора.

— До утра здесь администратор только я.

У дальней стены Максим поднял руку.

— Транспортная на связи!

Лариса отвернулась первой.

Диспетчер сорок седьмого маршрута подтвердил: авто-
бус с бортовым номером 4712 миновал Выставочный парк
в 23:52 и идёт к восточным воротам. В салоне семь пасса-
жиров. Водитель получил сообщение, включил полный свет
и не будет открывать двери до конечной, кроме одной оста-

новки у депо, где дежурит охрана.

— Пусть не объявляет, что ищет подростка, — сказала Вера. — Только смотрит, кто нуждается в помощи. И не подходит один, если рядом взрослый давит на ребёнка.

Максим передал дословно.

Через минуту водитель ответил. Подростка в салоне не было. Семеро пассажиров: четыре мужчины, две взрослые женщины и пожилая женщина. Никто не держал телефон у пола. Никто не просил помощи.

Облегчение исчезло, не успев стать надеждой.

— Тогда звук шёл не из салона, — сказал Тимур.

— Или не в реальном времени, — добавила Галина.

Вера посмотрела на синюю метку, оставшуюся в памяти экрана.

Женщина сказала: «Просто дай им услышать». Не «скажи адрес», не «позови полицию». Кто-то хотел передать звук как ориентир. Если запись была заранее подготовлена, ориентир мог быть намеренно ложным. Если звонок шёл из здания, источник находился совсем рядом, а подросток — неизвестно где.

— Восточные ворота, — повторила Вера. — Что там, кроме автобусной конечной?

Тимур увеличил карту.

— Старый выставочный комплекс. Половина закрыта на ремонт. Павильон, склад, административный корпус. Со стороны парка школьный центр временного размещения после

аварии в общежитии.

— Школьный центр?

— Там днём занимаются дети, которых распределили по разным зданиям. Ночью вроде никого.

Галина уже набирала номер по справочнику.

— Охрана комплекса есть круглосуточно.

Лариса подошла к карте.

— Экипаж пусть сначала проверит автобус, потом охрану и помещения. Без сирены.

Тимур передал распоряжение.

На часах сменилось 23:57. До обещанного звонка Ане оставалось три минуты. Вера посмотрела на шкафчик у входа. Чтобы взять телефон, нужно было отойти от пульта, а повтор мог прийти в любую секунду. Она могла попросить Ларису напомнить, как та обещала. Теперь это казалось просьбой отдать ей ещё одну маленькую часть времени.

— Мне нужен телефон на минуту, — сказала Вера. — Я обещала дочери.

— Сейчас?

— В полночь.

— У нас активный поиск.

— Я оставлю Галине записи и буду у шкафчика в трёх метрах.

— Подожди хотя бы ответа охраны комплекса.

— Ты обещала напомнить.

— Я напоминаю: сейчас не лучшее время.

Вера достала ключ на красном кольце.

Лариса не преградила дорогу. Она только сказала ей вслед:

— Если пропустишь повтор, это тоже будет твоё решение.

Вера остановилась у стеклянной двери. Раньше такая фраза заставила бы её вернуться. Теперь она записала бы её, если бы ручка не осталась на столе.

— Да, — сказала она. — Моё.

У шкафчиков было тише. Она открыла двенадцатую ячейку и включила телефон. Экран загорелся не сразу. Появились четыре сообщения от Тамары Петровны.

23:36. «Аня не спит, но всё спокойно».

23:41. «Кто-то звонил в домофон и спрашивал, здесь ли Нестерова».

23:44. «Я не открыла. Сказали, что из опеки».

23:49. «Позвони мне срочно».

Под сообщениями стоял пропущенный вызов с неизвестного номера.

Вера нажала на имя воспитательницы. Один гудок. Второй.

Тамара Петровна ответила шёпотом:

— Наконец-то. Вера, Аня закрылась в ванной. Она говорит, что ей звонили из твоей школы и просили выйти к машине.

За стеклом зала Лариса смотрела прямо на неё. Планшет снова был в её руках, хотя Олег оставил его подключённым

к ноутбуку.

Глава 3. Не тот адрес

Вера отвернулась от стекла.

— Тамара Петровна, дверь никому не открывайте. Аня сейчас рядом с вами?

— В ванной. Я стою в коридоре.

— Она отвечает?

— Сказала, чтобы я не входила.

— Это хорошо. Значит, слышит вас и выбрала место, где может закрыться. Не просите её выходить ради меня. Скажите через дверь, что я позвонила и что никакой сотрудник школы не должен забирать её ночью.

Вера говорила медленно, хотя сердце билось так, что в горле дрожал каждый вдох. Если она назовёт Анино поведение паникой, Тамара Петровна начнёт успокаивать. Если назовёт разумной защитой, взрослая женщина сохранит порядок.

В трубке зашуршало. Голос воспитательницы отдалился.

— Аня, Вера на связи. Она говорит, ты всё сделала правильно. Никому не открываем.

Из-за двери донеслось неразборчивое.

— Что она сказала?

— Просит назвать ваше слово.

О слове они договорились после первого визита инспектора. Аня считала это глупостью из детского фильма, но са-

ма выбрала его: «черника». Если взрослый присылал за ней незнакомого человека, тот должен был знать слово. Вера ни разу им не воспользовалась.

— Скажите: черника. И пусть остаётся там столько, сколько хочет.

Тамара Петровна повторила. За дверью щёлкнула задвижка, но Аня не вышла.

— Теперь звоните сто двенадцать, — сказала Вера. — Сообщите о двух звонках: сначала в домофон от имени опеки, потом Ане от имени школы. Просили выйти к машине. Номер сохранился?

— У Ани, наверное. Она мне не отдаёт телефон.

— Не просите. Пусть покажет полиции сама. Назовите мой адрес и скажите, что ребёнок под временной опекой. Я тоже передам отсюда.

— А вы приедете?

За стеклом Тимур поднял ладонь: экипаж вышел на связь. Лариса смотрела на часы. Вера могла снять с себя эту ночь, вызвать такси и через пятнадцать минут стоять у двери. Тогда Аня увидела бы, что Вера приходит, когда становится страшно. А подросток на линии остался бы голосом без адреса, переданным людям, которые не слышали первых слов.

— Я приеду, как только меня сменят, — ответила она. — До этого к вам поднимется полиция. Если кто-то снова позвонит, не спорьте и не сообщайте, что Аня дома. Запишите слова и время.

— Я уже записала. Вера, а откуда они знают адрес?

— Пока не знаю.

Она не сказала, что сама отправила адрес Ларисе. Не потому, что хотела защитить подругу. Слова «адрес был только у неё» прозвучали бы как готовый вывод, а готовые выводы этой ночью уже дважды отправляли машину не туда.

— Дайте Ане мой голос, — попросила Вера.

Телефон снова приблизился к двери.

— Ань, я здесь. Ты не обязана выходить и разговаривать. Полицию вызывает Тамара Петровна. Кодовое слово никому больше не говори.

— Ты где? — глухо спросила Аня.

— На линии.

— Это я знаю.

Вера закрыла глаза.

— Я на работе. Я не могу уйти в эту секунду, но нашла взрослых, которые будут у двери раньше меня.

— Ты всегда находишь взрослых.

Ванная заглушила окончание фразы. Затем стало тихо.

— Она отошла, — сказала Тамара Петровна.

— Не идите за ней. Звоните в службу. Я перезвоню через пять минут.

Вера отключилась и сразу набрала внутренний номер охраны диспетчерской. Лариса открыла стеклянную дверь прежде, чем охранник ответил.

— Ты не можешь передавать домашний адрес через рабо-

чий пульт без карточки обращения.

— Я звоню не с рабочего пульта.

— Тогда с личного телефона вызови полицию.

— Тамара Петровна уже вызывает. Мне нужно связать угрозу Ане с тем, что происходит здесь.

Охранник ответил. Вера назвала себя, попросила соединить с дежурной частью, обслуживающей здание, и сообщила, что неизвестный использует сведения, переданные сотруднику смены, чтобы выманить несовершеннолетнюю. Она не назвала Ларису. Назвала время сообщений, адрес, имя Тамары Петровны и свой внутренний номер.

— Откуда у неизвестного сведения? — спросил дежурный.

— Я отправила адрес руководителю смены в личной переписке в 22:31. Не утверждаю, что других источников не было.

Лариса стояла рядом. На словах «личная переписка» её лицо не изменилось, только пальцы сильнее сжали край планшета.

— Скриншоты сохраните, телефон не выключайте, — сказал дежурный. — Наряд по месту уже зарегистрирован. К вам подойдёт охрана, возьмёт объяснение.

— Здесь идёт поиск подростка по подменённым вызовам. Возможно, события связаны.

— Это внесу. Не обсуждайте детали по открытому номеру.

Связь завершилась.

Вера убрала телефон в карман, не возвращая его в шкафчик.

— Личные устройства в зале запрещены, — сказала Лариса.

— Сейчас это доказательство.

— Тогда отдай охране.

— Когда охрана придёт.

— Ты понимаешь, что только что назвала меня источником утечки?

— Я назвала действие, которое совершила сама: отправила тебе адрес.

— И оставила дежурному один очевидный вывод.

— Я специально сказала, что были возможны другие источники.

— Люди не слышат оговорки после обвинения.

— Это не обвинение.

— Для тебя — пока нет.

Лариса пропустила Веру в зал. На её пульте по-прежнему был пустой рабочий стол. Архивная копия не вернулась.

— Экипаж у восточных ворот, — сообщил Тимур. — Охрана комплекса говорит, школьный центр закрыт с девяти. Внутри только сторож административного корпуса.

— Кто из взрослых женщин сейчас на территории? — спросила Вера.

— Комендант общежития была до одиннадцати. Уехала.

Две уборщицы закончили в десять. Ещё диспетчер транспорта, но она в отдельной будке у конечной.

— Пусть проверят, откуда слышно объявления автобусов.

Тимур передал вопрос. Через полминуты пришёл ответ: громкоговоритель стоял на конечной, но его было слышно у восточного крыла комплекса и в коридоре школьного центра, если открыта дверь для разгрузки.

— Дверь закрыта? — спросила Галина.

— Охранник говорит, да.

— Пусть не говорит, а смотрит, — сказала Вера.

Лариса положила планшет рядом с пультом.

— Экипаж сначала проверяет периметр. Мы не отправим их внутрь по голосу из внутреннего звонка.

— Я не прошу ломать дверь. Пусть подойдут к восточному крылу и послушают.

— Они уже потеряли время на Полевой.

— Поэтому теперь обязаны проверить адрес, который называл не алгоритм, а объявление.

— Объявление могло быть записью.

— Могло. Но это первый признак, который подтвердили расписанием и диспетчером.

— Первый адрес тоже система подтвердила картой.

— Карта подтвердила существование школы, не присутствие ребёнка.

Лариса повернулась к Тимуру.

— Передай: внешний осмотр восточного крыла, без входа

до подтверждения охраны.

Вера записала точные слова и время — 00:04. Ручка продавila тонкую бумагу, на лицевой стороне памятки проступили синие борозды.

— Это ручная правка маршрута? — спросила она.

— Нет. Новая проверка местности.

— В карточке останется Полевая.

— Карточка в архиве по твоему решению.

— По нашему общему решению.

— Решение приняла я. Ты настояла.

— Тогда зафиксируй новый адрес отдельно.

— Где?

— В журнале смены.

— Сначала получим результат.

— Результат не меняет того, куда мы отправили экипаж.

Лариса понизила голос:

— Вера, если каждый промежуточный адрес писать как новый вызов, утром будет выглядеть, будто мы гоняли машину по городу без оснований.

— Мы и гоняли её. Первый раз без основания, второй — по звуку объявления.

— Тебе легко произнести это вслух. Отчёт подписывать мне.

— Именно поэтому отчёт должен быть точным.

На лице Ларисы появилось выражение усталости, почти боли.

— Ты думаешь, точность спасает от последствий. Не спасает. Она только делает виноватого удобнее.

— А неточность делает удобнее следующую ошибку.

Галина резко отодвинула кресло.

— У меня есть бумажный журнал отказов, — сказала она.

— Туда пишем, когда программа лежит. Сейчас карточка недоступна. Подходит.

Лариса посмотрела на неё.

— Программа не лежит.

— У места четыре лежит.

Галина достала из нижнего ящика толстую тетрадь в серой обложке. На ней было написано «ОТКАЗЫ / РЕЗЕРВ». Она открыла чистую строку, вписала дату и время.

— Диктуй, — сказала Вере.

— Обращение без номера. Подросток, пол не установлен. Возможное нахождение рядом с остановкой «Выставочный парк», восточные ворота старого выставочного комплекса. Основание: слышимое объявление маршрута сорок семь, подтверждённое транспортным диспетчером. Экипаж направлен на внешний осмотр.

Галина записала всё, не сокращая. Затем повернула тетрадь к Тимуру.

— Номер экипажа.

Он добавил номер и поставил подпись.

— Руководитель смены, — сказала Галина.

Лариса не взяла ручку.

— Это не отказ системы.

— Карточки нет, маршрут передан. Если не подпишешь, я напишу «от подписи отказалась».

Несколько операторов продолжали говорить в гарнитуры, но теперь никто не поворачивал голову. Слишком заметное внимание было опаснее притворной занятости.

Лариса подписала строку одним быстрым движением.

— Вера — внешний специалист, её подпись не требуется.

— Моя запись, — сказала Вера. — Я подпишу.

Галина передала ей ручку. Вера впервые этой ночью оставила собственную фамилию рядом с решением, которое могла проверить не только Лариса.

Дверь в служебный коридор открылась. Олег вернулся с охранником. Лицо инженера блестело от пота, хотя в коридоре было прохладно. В руках он держал трубку стационарного телефона, вырванную вместе с серым витым шнуром.

— На втором этаже открыта переговорная, — сказал он.

— Замок целый. Внутри никого. Телефон снят с базы и подключён к учебному шлюзу через переходник.

Он положил трубку на свободный стол. На пластике возле микрофона была приклеена полоска прозрачной ленты.

— Что под лентой? — спросила Вера.

— Микрофон был заклеен. Поэтому Максим слышал тишину. Для следующего звонка ленту отогнули.

— Кто имеет доступ в переговорную?

Охранник раскрыл планшет с журналом.

— Электронный замок. За последние два часа входили Белова Лариса Андреевна в двадцать два ноль девять и инженер Крылов Олег Павлович сейчас, со мной.

Все взгляды повернулись к Ларисе.

Она не отступила.

— Я проверяла готовность комнат перед сменой. В переговорной днём меняли проектор.

— Телефон видели? — спросил охранник.

— Он всегда там стоит.

— Переходник?

— Не смотрела под столом.

Вера записала время входа: 22:09. За двадцать две минуты до того, как Лариса позвонила ей с просьбой заменить заболевшего коллегу. Или до сообщения? Вера не помнила точно. Телефон хранил переписку в кармане, но доставать его при всех она не стала.

— Кто ещё может открыть механическим ключом? — спросила Галина.

— Дежурный администратор и охрана при тревоге, — ответил охранник.

— Дежурный администратор сегодня Лариса, — сказала Вера.

— Да.

Лариса посмотрела на неё спокойно.

— Скажи прямо.

— Что?

— Что ты хочешь сказать этой цепочкой вопросов.

Вера почувствовала, как легко сейчас произнести: «Это сделала ты». Время входа, планшет, общий доступ, знание адреса Ани — детали сами складывались в обвинение. Но телефон мог подключить любой человек заранее. Электронный журнал показывал вход, а не действие. Лариса могла обнаружить переходник и промолчать; могла не заметить; могла установить. Три разные истории пока выглядели одинаково.

— Ты вошла в комнату до смены, — сказала Вера. — После этого через её телефон пришли два скрытых звонка. Я хочу, чтобы охрана сохранила журнал и запись камер.

— Камеры в переговорной нет, — ответил охранник. — В коридоре есть.

— Сохраните коридор с двадцати одного часа.

— Нужно распоряжение руководителя смены.

Лариса всё ещё смотрела на Веру.

— Сохраняйте, — сказала она.

Охранник отметил распоряжение.

Олег вернулся к ноутбуку. Архивная полоса дошла до ста процентов, но вместо файлов появилось красное сообщение.

— Вот теперь плохо, — сказал он.

— Что? — спросили сразу несколько голосов.

— Запись первого разговора есть. Второго — обрыв после двадцати четвёртой секунды. Остальное числится во временном хранилище планшета.

— Планшет здесь, — сказала Лариса.

Олег поднял кабель. На конце ничего не было.

— Уже не здесь. Его отключили, пока я ходил наверх.

Планшет лежал у Ларисы под рукой.

— Я взяла его, чтобы подтвердить маршрут, — сказала она.

— Я просил ничего не трогать.

— Вызов был активным.

— На пульте. Планшет не был нужен.

— Мне нужен доступ руководителя.

Олег провёл ладонью по лицу.

— Тогда временная часть могла очиститься. Подключайте обратно.

— Могла или очистилась?

— Узнаем после подключения.

Лариса подала ему устройство. Олег вставил кабель и несколько раз нажал клавиши.

— Файла нет.

— Восстановите.

— Попробую. Быстро не будет.

Вера посмотрела на бумажную запись. Женский голос, срок в тридцать рабочих дней, шорох, подросток. Всё, что она слышала во втором разговоре после двадцать четвёртой секунды, теперь существовало только в её памяти и, возможно, в памяти Ларисы. Тот самый участок, где она назвала Киру.

— Ты знала, что запись хранится на планшете? — спросила Вера.

— Нет.

— Олег сказал, что мобильная сессия держит кусок.

— Я не знала, что именно этот.

— Но отключила планшет, хотя он просил ничего не трогать.

— Потому что экипаж ждал решения.

— Решение передал Тимур.

— Под моей ответственностью.

— Всё под твоей ответственностью, пока мы работаем под твоим именем. Очень удобно.

Лариса побледнела.

— Осторожнее.

— Я осторожна уже год.

Слова вырвались раньше, чем Вера решила произнести их. Лариса замолчала. Галина подняла глаза от журнала. Олег продолжил печатать, слишком громко ударяя по клавишам.

По радио затрещал голос экипажа.

Тимур прижал наушник.

— Повторите. Восточное крыло, какая дверь?

Шипение. Несколько коротких фраз.

— Боковая дверь школьного центра приоткрыта, — сказал он. — Замок не повреждён. Внутри горит аварийный свет. Охрана утверждает, что закрывала.

— Пусть не входят без второго сотрудника, — сказала Лариса.

— Они вдвоём.

— Тогда входят, держат радио открытым. Охранник комплекса рядом.

Тимур передал. Вера встала возле карты. Зелёная точка экипажа остановилась у восточного крыла. На экране это было всего несколько пикселей. В настоящем коридоре сейчас пахло пылью, мокрой одеждой и, возможно, тем же дешёвым средством для пола, что в любой школе.

— Вошли, — сказал Тимур. — Первый этаж пустой. Слышат объявление с конечной. Проверяют комнаты.

Вера представила телефон на полу. Женщину, которая сказала: «Просто дай им услышать». Подростка, шепнувшего: «Не в том». Если звонок был воспроизведён из переговорной, запись сделали раньше. Возможно, именно в этом здании, рядом с объявлениями. Тогда ребёнок мог уже уйти. Или его увели.

— Там есть камеры? — спросила она.

— Охрана говорит, наружные. Внутри школьного центра отключены на ремонт.

— Конечно, — пробормотал Олег.

Лариса слышала.

— Что это значит?

— Что тот, кто выбирал место, не тыкал пальцем в карту. По радио снова заговорили.

Тимур поднял ладонь, требуя тишины.

— Нашли телефон. Первый этаж, комната хранения. Старый аппарат без сим-карты, подключён к маленькой колонке. На колонке проигрывалась запись автобуса.

— Люди? — спросила Вера.

— Никого.

— Следы ребёнка?

Тимур переспросил экипаж.

— На столе школьный рюкзак, пустая бутылка и распечатка о служебной проверке. Рюкзак сухой, хотя снаружи дождь. Ещё лист с номером нашей линии.

Вера опёрлась ладонью о край стола.

— Не трогать. Всё фотографировать на месте. Спросить охрану, кому принадлежит рюкзак.

Лариса не возразила. Она смотрела на зелёную точку, будто та могла ответить, кто построил эту комнату из нужных Вере звуков.

— Подростка там не было, — сказала Галина.

— Был ли вообще? — спросил Максим.

Никто ему не ответил.

Вера вернулась к памятке и рядом с адресом Полевая, 18 провела линию. Не зачеркнула: ложный адрес оставался событием. Ниже записала выставочный комплекс и тоже не поставила точку.

Два места. В одном закрытая школа, в другом декорация, собранная из объявления, рюкзака и официального текста.

Оба адреса выглядели правдой ровно столько, сколько требовалось, чтобы туда поехала машина.

— Карточку нужно исправить, — сказала она.

— Карточка в архиве, — ответила Лариса.

— Тогда создать новую и связать с первой. Указать, что оба адреса не подтверждены.

— Без нового обращения нельзя создать вызов за абонента.

— У нас есть результат экипажа.

— Это служебная проверка адреса, не обращение.

— Там нашли телефон и запись.

— Полиция оформит находку отдельно.

— А в нашей системе останется подросток на Полевой.

— До восстановления архива.

— Сколько?

Олег не отрывался от ноутбука.

— Десять минут, час, никогда. Смотря что планшет успел удалить.

— Ручную правку запрещаю, — сказала Лариса. — Мы уже потеряли одну часть записи из-за вмешательства в активную сессию.

— Планшет отключила ты.

— И отвечать за это буду я. Но ещё одну самодельную карточку не разрешу.

Вера посмотрела на серую тетрадь.

— Тогда продолжим на бумаге.

Она вписала результат проверки: 00:17, помещение пусто, найден телефон без сим-карты, колонка с записью, рюкзак, распечатка, номер линии. Тимур подтвердил формулировку и снова подписался. Галина поставила свою фамилию.

— Это не заменит карточку, — сказала Лариса.

— Нет. Зато утром никто не скажет, что мы всё время искали на Полевой.

К ним подошёл охранник диспетчерской.

— Вера Сергеевна, дежурный просит ваш телефон для копирования сообщений. В вашем присутствии. Пройдёмте в комнату охраны.

— Я вернусь через пять минут.

— Иди, — сказала Лариса. — Здесь ты пока всё равно без доступа.

Вера отдала Галине сложенную памятку.

— Если придёт звонок, запишите каждое слово.

— Запишем.

У двери Вера обернулась. Лариса стояла возле Олега и смотрела не на ноутбук, а на серую тетрадь. Теперь в ней были три подписи, время и два адреса. Эту страницу уже нельзя было закрыть одним нажатием.

В служебном коридоре охранник шёл впереди. Вера достала телефон и открыла переписку с Ларисой.

Сообщение с адресом Тамары Петровны действительно было отправлено в 22:31.

Над ним стоял пропущенный вызов от Ларисы в 22:26

и короткая просьба: «Срочно перезвони. Нужна замена с 23:00».

Вера пролистала выше.

В 21:58 Лариса прислала удалённое сообщение. На его месте осталась серая строка: «Сообщение удалено отправителем».

Вера остановилась.

Лариса вошла в переговорную в 22:09. Позвонила ей в 22:26. Значит, подготовила общий пульт и учебный телефон до того, как попросила о замене.

Это всё ещё не доказывало, что она устроила звонки. Но впервые время не зависело от Вериного воспоминания.

Она сделала снимок экрана и передала телефон охраннику.

Глава 4. Голос знакомой

В комнате охраны было тесно от экранов и старой мебели. На одном мониторе коридор второго этажа тянулся пустой серой полосой, на другом дождь дробил свет у главного входа. Охранник вставил чистый накопитель в компьютер, открыл журнал и попросил Веру назвать время сообщения с адресом.

Она назвала. Потом время удалённого сообщения. Потом время звонка Ларисы с просьбой выйти на замену.

Каждая цифра ложилась в отдельную строку. Вера следила, чтобы охранник не написал «угроза от Беловой». Этого они не знали. Они знали только, что в 21:58 Лариса отправила и удалила сообщение, в 22:09 вошла в переговорную, в 22:26 позвонила Вере, а в 22:31 получила адрес Тамары Петровны.

— Скриншот переписки копирую, — сказал охранник. — Телефон остаётся у вас. Не удаляйте ничего и не перезагружайте.

— Камеру коридора сохранили?

— Сохраняется. Там большой кусок, минут пять.

— Мне можно увидеть вход в переговорную?

Охранник помедлил.

— Вместе с дежурным полиции. Сам я служебную запись показывать не должен.

— Тогда хотя бы проверьте, кто ещё проходил рядом.

— Уже проверяю.

В его ответе не было ни раздражения, ни обещания помочь. Обычная работа с тем, что можно подтвердить. Вера поймала себя на зависти. Здесь событие имело время, камера — угол обзора, накопитель — номер. В зале голос превращался в адрес раньше, чем кто-нибудь успевал спросить, откуда он пришёл.

Телефон завибрировал. Тамара Петровна.

Вера ответила сразу.

— Полиция приехала, — сказала воспитательница. Она говорила тише, чем раньше. — Проверили площадку и двор. Машины от школы нет. Мужчина звонил с одноразового номера, так они сказали. Аня открыла ванную, но со мной не разговаривает.

— Дайте трубку сотруднику, пожалуйста.

Послышались шаги и мужской голос. Сотрудник назвал фамилию и номер жетона. Вера записала их в заметки телефона, хотя тот самый телефон уже стал доказательством и трогать его лишний раз было страшно.

— На площадке посторонних не обнаружили, — сообщил он. — Соседка видела тёмную машину у подъезда, номер не запомнила. Камера управляющей компании смотрит на въезд, запросим запись. Девочка физически не пострадала. От объяснений пока отказалась.

— Не уговаривайте её говорить со мной.

— Мы и не уговариваем. Законный представитель вы?

— Временный опекун. Документы у Тамары Петровны в синей папке.

— Она показала. Вы сейчас где?

Вера назвала диспетчерскую и объяснила связь: после ложного сообщения о подростке неизвестный использовал адрес, переданный руководителю смены. Она снова отделила действие от вывода. Сотрудник переспросил имя Ларисы и записал его.

— Вы уверены, что адрес больше никому не отправляли?

— Нет. Я уверена только, что отправила ей. Адрес есть у школы, опеки, поликлиники, у нескольких знакомых. Не хочу сужать проверку без оснований.

— Правильно. Девочка останется по этому адресу?

Вера посмотрела на часы: 00:29. До рассвета далеко. Оставлять Аню там, где её только что пытались выманить, было страшно. Перевезти сейчас — значит вывести в подъезд, посадить в машину и сообщить новый адрес ещё одному кругу людей.

— Пока да. Дверь исправна, Тамара Петровна с ней. Можно попросить патруль проехать мимо ещё раз через полчаса?

— Передам. Если решите выезжать, сначала позвоните нам.

Он вернул телефон воспитательнице.

— Вера, она сидит на кухне в куртке, — прошептала Тамара Петровна. — Рюкзак собрала. Говорит, домой хочет.

Домом Аня всё ещё называла квартиру матери. Квартиру опечатали после смерти, потом освободили и сдали чужим людям. У Веры была для неё комната, отдельный ключ, чашка с лисой и полка, которую можно было красить как угодно. Но в минуты страха все эти вещи становились временными.

— Скажите ей, что я слышала. Не говорите, что всё без-
опасно. Мы этого пока не знаем.

— А что говорить?

— Что дверь закрыта, полиция проверила этаж и двор, вы
рядом и до моего возвращения никто никуда не едет. Только
то, что есть.

— Ты сама ей не скажешь?

Вера слышала укор, хотя Тамара Петровна, возможно,
просто устала.

— Если она возьмёт трубку — скажу.

В трубке на несколько секунд стало глухо. Потом раздался
голос Ани:

— Они ушли?

— Сотрудники сейчас у вас?

— Один в коридоре. Те, кто звонил.

— Их не нашли. Машины от школы во дворе нет.

— Значит, они могут вернуться.

— Могут попытаться снова позвонить. Дверь не открывайте. Если захотите переехать, сначала сотрудник проверит
машину и подъезд.

Аня выдохнула так резко, словно Вера нарочно подтвер-

дила худшее.

— Ты даже сейчас разговариваешь как на работе.

— Я стараюсь не врать тебе.

— А раньше старалась?

Вопрос ударил точно в то место, о котором Аня не могла знать. Вера увидела карточку годичной давности, семь минут, сдвинутых мышью. Тогда она тоже говорила себе, что исправляет не событие, а несправедливое впечатление о нём.

— Не всегда, — сказала Вера.

На линии повисла тишина.

— Я не хочу говорить, — наконец произнесла Аня.

— Хорошо. Телефон остаётся у Тамары Петровны. Я позвоню через двадцать минут и сначала спрошу, хочешь ли ты подойти.

Аня уже отдала трубку.

Вера завершила вызов и записала на обороте пропуска: 00:32 — полиция проверила дом, посторонних нет, камера двора будет изъята, Аня не пострадала. Фраза казалась слишком гладкой. Не пострадала означало только, что её не увезли и не ударили. Она сидела в куртке на чужой кухне и собиралась в несуществующий дом.

Из зала прибежал Олег.

— Нашёл двадцать четыре секунды. Дальше пока пусто. Лариса хочет оформить это как техническую потерю и перезапустить планшет.

— Перезапускать нельзя.

— Вот и я говорю. Идёмте, пока она не решила, что руководитель смены важнее остатка файла.

Охранник снял накопитель и запечатал его в прозрачный пакет. На наклейке написал время копирования и свою фамилию. Вера смотрела на его руки. Так просто выглядело сохранение: предмет, подпись, пакет. С голосом всё было сложнее. Голос проникал в память, менялся от ожидания и страха, подстраивался под имя, которое ему дали.

В зале операторы говорили приглушённо. После найденной переговорной каждый внутренний звонок заставлял людей смотреть на лампочки аппаратов. Планшет лежал возле ноутбука, соединённый кабелем. Лариса стояла за спиной Олега.

— Временный файл повреждён, — сказала она. — Системе надо вернуть в работу.

— Система работает на остальных местах, — ответил Олег. — Этот планшет можно не трогать.

— У меня нет мобильного доступа руководителя.

— Есть стационарный.

— С него не видно карты экипажей.

— Карта на стене.

Лариса повернулась к Вере.

— Дома всё спокойно?

— Полиция проверила дом. Незвестных не нашли.

— Аня?

— Жива, дома, напугана.

Лариса опустила глаза. Сочувствие на её лице могло быть настоящим. Вера слишком хорошо знала, как подруга морщилась, когда старалась не заплакать, и именно поэтому не могла использовать выражение лица как улику.

— Я не передавала её адрес, — сказала Лариса.

— Я пока этого не утверждала.

— Полиции назвала моё имя.

— Потому что отправила адрес тебе. Они будут проверять и другие источники.

— А ты?

— Я буду проверять то, что происходит с вызовами.

Олег включил звук.

Сначала послышался щелчок, потом дыхание подростка. Голос был тише, чем Вера помнила. Не беспомощный — сдавленный, будто говорящий прижимал рукав ко рту.

«Я не в том месте».

Шорох. Короткий скрип. Затем женский голос за дверью: «Не открывай. Скажи, что ждёшь Веру Сергеевну».

Подросток прошептал:

«Она поймёт».

На этом запись оборвалась.

Вера не сразу поняла, что задержала дыхание. Вчера — теперь уже вчера — она слышала этот голос иначе. Сквозь помехи ей показалось: женщина сказала «просто дай им услышать». В сохранившемся куске таких слов не было. Возможно, они прозвучали позже. Возможно, Вера достроила их из

шума.

— Ещё раз, — попросила она.

Олег включил.

На втором прослушивании женский голос стал старше. На третьем — ниже. Имя Веры оставалось отчётливым, всё остальное плыло.

— Это Кира? — спросила Галина.

— Нет, — ответила Вера слишком быстро.

Все посмотрели на неё.

— Я не могу определить, — поправилась она. — Я узнала не подростка. Женщина за дверью похожа на Надежду Аркадьевну, мать Киры. Но похожа — не значит она.

— Ты говорила, что узнала бывшую ученицу, — напомнила Лариса.

— В первом разговоре я решила, что подросток — Кира. Здесь я слышу голос её матери.

— Решила или узнала?

Вера заставила себя не отвечать сразу.

— Решила. По одной фразе и паузам. У меня нет образца для сравнения и нет подтверждения, что Кира в городе.

Лариса скрестила руки.

— Но имя уже назвала в эфире.

— Да.

— И отправила экипаж искать конкретного ребёнка.

— Экипаж отправили по адресу из карточки, не по имени.

— Которое ты дала.

— Я дала имя как предположение. Это была ошибка.

Признание не облегчило ничего. Наоборот, лишило Веру единственной ясной опоры: знакомого голоса. Если в трубке была не Кира, кто знал фразу из её консультации? Если женский голос принадлежал не Надежде Аркадьевне, кто так точно повторил её растянутые гласные?

Галина придвинула второй стул.

— Сядь и запиши слова дословно. Без имён.

Вера села. Олег проиграл запись ещё раз, останавливая после каждой реплики. Галина внесла расшифровку в бумажный журнал. Вместо «девочка» написала «голос один», вместо «мать» — «женский голос на фоне». Тимур указал время, когда получил второй вызов на пульт. Лариса поставила подпись только после того, как вычеркнула слово «узнанный» и заменила на «предположительно знакомый».

— Откуда распечатка? — спросила Вера. — Экипаж передал заголовок?

Тимур посмотрел записи.

— «Служебная проверка по факту позднего реагирования». Номер частично закрыт дыркой от степлера. Внизу фамилия начинается на «Н».

— Нестерова, — сказала Лариса.

— Или любая другая на «Н», — возразила Галина.

Вера вспомнила толстую папку в школьном шкафу. После кризисного звонка комиссия запросила объяснения у школы, у линии и у семьи. В её копии на первой странице стояло:

«Специалист Нестерова В. С. уведомлена в 18:42». Потом Вера изменила время в электронной записи консультации с 18:49 на 18:42, чтобы документы не показывали семь минут, в течение которых она стояла у запертой учительской, искала зарядку и боялась перезвонить.

— Попроси экипаж не читать по радио персональные данные, — сказала она Тимуру. — Пусть сфотографируют все страницы и передадут полиции. Нам достаточно номера и даты.

— Почему? — спросила Лариса. — Если это твоё дело, мы должны знать.

— Если это дело Киры, там сведения о несовершеннолетней. Они не нужны всему залу.

Лариса усмехнулась без радости.

— Ты уже назвала её имя всему залу.

— Поэтому второй раз делать так не буду.

Тимур передал просьбу. Через минуту ответил экипаж: на распечатке был номер СП-41/25 и дата прошлой осени. Фамилию по открытому каналу не назвали. Вера узнала номер. Такой стоял на конверте комиссии, который она прятала между методичками и однажды показывала только двум людям — директору школы и Ларисе.

— Номер совпадает, — сказала она.

— С чем? — спросил Олег.

— С проверкой после обращения Киры. Это копия или лист из того дела.

— Оригинал где?

— Моя копия в школе. Должна быть в закрытом шкафу.

— Ключи?

— У меня и у директора.

— Лариса могла видеть документ? — спросила Галина.

Вера посмотрела на подругу.

— Номер на конверте — да. Я показывала ей письмо после комиссии.

— Сам текст не читала, — сказала Лариса. — Ты плакала в машине и держала конверт в руках. Я отвезла тебя домой.

Это было правдой. Лариса купила кофе на заправке, заставила Веру поесть и сказала, что комиссия найдёт крайнего, если крайний сам не научится защищаться. Тогда эта фраза казалась заботой.

— А карточку ты видела? — спросила Вера.

— Какую карточку?

— Электронную запись консультации.

— Нет.

Лариса ответила без паузы. Вера не знала, была ли эта быстрота признаком подготовленной лжи или естественным возмущением.

По громкой связи Тимур получил ещё одно сообщение от экипажа. Он поднял палец.

— На обороте распечатки ручкой написано время: восемнадцать сорок два. И буква «В» в кружке.

Вера почувствовала, как ладони стали холодными.

— Это время из исправленной записи, — сказала она.

— Что значит исправленной? — спросила Галина.

— Значит, нам нужен сам документ, — вмешалась Лариса. — По радио ничего больше не обсуждаем.

Она сказала это резко, почти приказала Тимуре закрыть канал. Вера услышала не только попытку спрятать разговор. Лариса действительно защищала зал от персональных подробностей. Любое её правильное действие теперь выглядело частью чужой конструкции, и это было опаснее прямой лжи.

— Пусть проверят бумагу на отпечатки и происхождение, — сказала Вера. — И рюкзак. Он может быть реквизитом, а может принадлежать кому-то.

— Полиция уже едет туда, — ответил Тимур.

Олег увеличил волну звукового файла. На экране появились неровные синие зубцы.

— Тут под голосом есть постоянный фон, — сказал он. — Слышите щелчки через равные промежутки?

Он прибавил громкость. За дыханием и шорохом действительно тикало что-то сухое: два коротких щелчка, пауза, один длиннее.

— Поворотник? — предположил Максим.

— Тогда частота ровнее, — сказал Тимур.

— Старые настенные часы, — сказала Галина. — У нас в комнате отдыха так ходят.

— Нет, — возразила Вера. — После длинного щелчка

слышен писк.

Олег вырезал несколько секунд и повторил. Щелчок, щелчок, пауза, щелчок, тонкий сигнал.

Лариса наклонилась к экрану.

— Это может быть что угодно.

— Поэтому не будем угадывать, — сказала Вера. — Сравним.

Она закрыла глаза. Звук был знакомым не так, как голос Надежды Аркадьевны. Его тело помнило раньше головы: ожидание у пластикового окна, номерок в руке, шипение автомата с бахилами.

— Терминал электронной очереди, — сказала она. — Такой стоит в районном центре сопровождения семей. Два щелчка печати, потом резак и писк, когда выходит талон.

— В городе сотни терминалов, — заметила Лариса.

— Такой модели меньше. В центре на Каштановой он пищит после каждого талона. Там проходила комиссия по Кире.

— Ты опять привязываешь звук к знакомому месту.

— Да. Поэтому это не адрес. Только образец для сравнения.

Вера позвонила не в сам центр — ночью там никто не отвечал бы, — а дежурному охраны муниципальных учреждений. Назвалась, сослалась на сотрудника полиции у дома и спросила, работает ли ночной пост на Каштановой. Её трижды переключали. Наконец ответил заспанный мужчина.

— Пост есть. Центр закрыт. Что случилось?

— Нужна проверка оборудования без входа в кабинеты.

У вас в вестибюле терминал электронной очереди?

— Стоит. Отключён на ночь.

— Когда отключили?

— В девять, как людей выгнали.

— Можно посмотреть журнал включения? Не включайте сам терминал и ничего не трогайте.

Мужчина проворчал, что он не техник. Потом послышались шаги, связка ключей и тяжёлая дверь.

— На стойке сетевой фильтр, — сказал он. — Лампочка горит.

— Значит, терминал не отключён?

— Экран чёрный. Может, спит.

— Рядом принтер талонов?

— Он внутри корпуса.

Вера включила громкую связь с разрешения собеседника и попросила Олега проиграть фон. Охранник центра слушал молча.

— Похоже, — сказал он. — Только у нас после писка ещё створка хлопает.

— Сейчас можете нажать выдачу талона?

Олег отрицательно покачал головой.

— Не надо, — сказала Вера. — Сначала сохраните камеры вестибюля с двадцати часов и никого не впускайте без полиции. Есть ли журнал, когда терминал просыпался?

— Техник утром посмотрит. Камеры у меня на посту. Сейчас перемотаю.

— Не перематывайте один. Позвоните в полицию и сохраните запись штатной кнопкой, если умеете.

Мужчина замолчал.

— А чего искать?

Вера посмотрела на бумажную расшифровку. Если сказать «девочку», охранник начнёт искать девочку и пропустит взрослого с телефоном. Если назвать Ларису, догадка станет ориентиром.

— Любого, кто был у терминала после закрытия. Время записи звонка уточним по журналу линии. И не входите в вестибюль, если дверь должна быть закрыта.

— Дверь закрыта. Я из своей комнаты вижу стойку через стекло.

Он назвал фамилию и номер поста. Тимур внёс сведения в серую тетрадь. Впервые новый адрес появился не потому, что система подставила точку и не потому, что Вера узнала чей-то голос. Его дал повторяющийся механический звук, который можно было записать заново и сравнить.

— Время файла, — сказал Олег. — Система показывает создание в 22:14.

— Это время звонка? — спросила Вера.

— Нет. Время создания исходного звукового фрагмента во временном хранилище. Оно может сбиться при копировании, но подпись шлюза цела.

Лариса выпрямилась.

— В 22:14 центр был закрыт больше часа.

— И через пять минут после твоего входа в переговорную,

— сказала Галина.

— Я была в здании здесь. Камера это покажет.

— Никто не сказал, что запись делали лично вы, — ответила Вера.

Лариса посмотрела на неё с такой усталой яростью, что на секунду перед Верой снова оказалась женщина из машины после комиссии. Та, которая держала бумажный стакан между коленями и говорила: «Если ты сама отдашь им свою ошибку, они сделают из неё всю тебя».

Телефон Тимура ожил раньше, чем Лариса ответила. Звонил охранник центра на Каштановой.

— Полицию вызвал, — сообщил он. — Запись сохранил. Тут человек был после закрытия. В двадцать два двенадцать вошла женщина с пропуском, постояла у терминала и ушла через три минуты.

— Лицо видно? — спросила Вера.

— Капюшон. Пропуск приложила настоящий, дверь открылась. Камера сняла номер, но я вам диктовать не буду. Полиции отдам.

— Правильно. Ничего больше не открывайте.

— Она была одна. Без ребёнка.

Вера записала последнюю фразу отдельно.

Голос подростка мог быть сделан раньше, позже, в другом

месте. Женский голос мог принадлежать Надежде Аркадьевне или человеку, который умел её изображать. Распечатка связывала ловушку со старым делом Киры, но не доказывала, что Кира вернулась в город. Зато теперь существовала женщина с настоящим пропуском, вошедшая к терминалу за две минуты до создания файла.

Это был не знакомый голос. Это были дверь, номер и время.

— Запрос на пропуск пойдёт через полицию, — сказала Вера. — Мы сами номер не узнаём и никому не звоним от имени центра.

— Боишься увидеть моё имя? — спросила Лариса.

— Боюсь испортить единственную вещь, которую ещё не успели переписать.

Олег снял копию двадцатичетырёхсекундного файла на отдельный накопитель. Галина вписала контрольное время. Тимур расписался. Лариса долго держала ручку над строкой, потом поставила фамилию.

В 00:48 серый журнал содержал больше правды, чем все экраны зала. Но на карте подросток по-прежнему находился на Полевой, 18.

Глава 5. Минус семь минут

Олег не убирал руку с кабеля, словно планшет мог вырваться и унести остаток записи. На ноутбуке рядом с си-ней звуковой волной открылось узкое окно архива. Строки шли одна под другой: время, номер шлюза, действие. Между 22:14 и 22:21 экран оставался пустым.

— Фильтр сброшен? — спросила Вера.

— Нет фильтра.

— Тогда обнови.

Олег обновил. Пустота осталась.

— Семь минут, — сказала Галина.

Лариса взглянула на часы на стене, будто речь шла о текущей задержке.

— Архив ещё собирается. Рано считать.

— Начало и конец есть, — ответил Олег. — В 22:13:58 шлюз принял служебный пакет. В 22:21:03 планшет подтвердил синхронизацию. Между ними должны быть события каждую секунду, даже если никто не звонил.

— Может, планшет уснул.

— Во сне он пишет проверку связи раз в тридцать секунд.

Вера переписала крайние отметки на бумагу. Семь минут и пять секунд. Почти тот же промежуток, который она год назад сдвинула в карточке Киры. Совпадение было слишком аккуратным, чтобы успокаивать, и слишком удобным, чтобы

сразу поверить.

— Можно удалить ровно такой кусок? — спросила она.

— Из рабочего архива — с правами администратора. Но останется запись удаления. Если подчистить и её, останется разрыв нумерации пакетов.

Олег ткнул в левую колонку. До пустоты пакеты заканчивались номером 8841, после начинались с 9027.

— Сто восемьдесят пять событий отсутствуют.

— Где резервная копия? — спросила Галина.

— На отдельном хранилище. Оно принимает сырые пакеты до обработки.

— Вот и открой.

Олег посмотрел на Ларису.

— Для этого карточку нужно перевести из рабочего архива в режим разбора. Обратно одним нажатием она уже не вернётся.

— Насколько долго? — спросила Вера.

— До утра точно. Может, до решения администратора. Все новые сведения придётся заводить отдельной карточкой и потом сшивать вручную.

— Мы и так пишем на бумаге.

— Бумага не показывает экипажам предупреждение, — сказала Лариса. — Если подросток позвонит ещё раз, оператор не увидит историю.

— Он и сейчас увидит ложный адрес, — ответила Вера.

— Увидит отметку, что обращение есть. Это лучше, чем

ничего.

— Отметка отправила машину к закрытой школе.

— Машину отправил оператор после твоего предположения.

Тимур поднял голову от радиопульта.

— Машину отправили до имени Киры. Адрес пришёл из карточки.

Лариса повернулась к нему.

— Я не ищу виноватого. Я объясняю риск.

— Тогда объясните весь, — сказала Галина. — Если не откроем резерв, что потеряем?

Олег загнул палец.

— Источник создания файла. Команду переадресации. Возможно, номер учётной записи. Резерв хранится недолго, потому что там персональные данные без маскировки. Через два часа начнётся автоматическая перезапись.

— Сколько осталось?

— Час двадцать, если время на сервере точное.

— А если откроем?

— Рабочая карточка замораживается. Быстрого возврата нет. Запрос получает номер внутреннего расследования. Отменить его сможет только служба безопасности утром.

— Или я сейчас, — сказала Лариса. — Как руководитель смены я могу отказать.

Олег кивнул.

— Можете. Отказ тоже запишется.

Телефон Веры завибрировал. На экране было имя сотрудника полиции, говорившего с ней у Тамары Петровны. Она включила громкую связь после того, как он разрешил Галине и Олегу слушать.

— По центру на Каштановой работают коллеги, — сказал сотрудник. — Предварительно пропуск выдан Савельевой Марине Олеговне, специалисту по сопровождению семей. Но она сейчас за городом, это подтверждает пост дорожной полиции: у неё сломалась машина на трассе, помощь вызвана в двадцать один сорок семь.

— Пропуск мог остаться в центре?

— По её словам, был в кошельке. Кошелёк она не нашла после остановки на заправке около восьми вечера. Заявление о пропаже не подавала.

— Савельева связана с делом Киры?

— Такие сведения по телефону не сообщу. У центра изымают запись и журнал доступа. Женщина на камере лица не показала.

— Рост, одежда?

— Не надо угадывать знакомых по росту и одежде, Вера Сергеевна.

Его слова были жёсткими, но справедливыми.

— Согласна. У нас обнаружен разрыв в архиве с 22:14 до 22:21. Резервная копия может быть перезаписана через час двадцать. Для открытия нужно заморозить карточку.

— Сохранение данных приоритетно. Кто отвечает за ре-

шение?

— Руководитель смены Лариса Белова.

Лариса протянула руку к телефону.

— Я здесь. Карточка относится к возможному обращению несовершеннолетнего. Заморозка лишит операторов истории при повторном звонке.

— Можно создать бумажную или новую электронную запись?

— Новую без обращения — нарушение.

— Тогда зафиксируйте мой запрос сохранить резерв в рамках проверки угрозы ребёнку по адресу Нестеровой. Номер материала продиктую.

Он продиктовал. Галина записала номер в серую тетрадь и повторила вслух.

— Это не постановление об изъятии, — сказала Лариса.

— Нет, — подтвердил сотрудник. — Это запрос не уничтожать данные до прибытия группы. Решение по рабочей карточке ваше. Если резерв исчезнет после уведомления, время уведомления зафиксировано.

Связь завершилась.

Лариса положила телефон перед Верой.

— Вот так и делается ловушка. Тебе дают выбор между плохим и худшим, потом записывают только твою подпись.

— Тогда подпишем все, — сказала Галина.

— Ответственность всё равно моя.

— Не только, — возразила Вера. — Я потребовала вы-

грузку. Олег объяснил последствия. Галина ведёт журнал. Тимур подтверждает маршруты. Полиция просит сохранить резерв. Напишем каждую роль.

Лариса посмотрела на неё.

— Тебя легко учить честности, когда это чужая смена.

— Моя подпись будет рядом.

— Ты внешний специалист. Утром скажешь, что тебя не предупредили.

— Запиши, что предупредили.

Вера взяла лист из принтера и от руки написала: «Я, Нестерова Вера Сергеевна, получила разъяснение: открытие сырой резервной копии заморозит рабочую карточку, быстрый возврат и внесение сведений в неё будут невозможны. Считаю сохранение необработанных данных необходимым». Поставила время 00:56 и подпись.

Олег добавил техническое объяснение. Галина — что бумажный журнал ведётся с 00:04. Тимур указал, что экипажи получают обновления по радио. Лист лёг перед Ларисой.

— Ты всегда умела красиво подвести других к подписи,
— сказала она Вере.

— Этому я научилась после прошлой проверки.

Лариса задержала взгляд.

— Не время.

— Именно время. Семь минут в архиве исчезли не случайно.

— Ты думаешь, кто-то построил всё вокруг твоего стыда?

— Кто-то написал на распечатке 18:42.

— Эту цифру видели в комиссии.

— В комиссии видели её как настоящее время. Только тот, кто знает исходную запись, понимает, что она исправлена.

— И кто знает?

Вера могла назвать себя. Могла назвать школьного системного администратора, который восстанавливал журнал после сбоя. Могла назвать Ларису — не потому, что рассказывала ей, а потому, что однажды оставила открытую карточку, когда подруга зашла в кабинет с едой. Воспоминание было смутным и потому опасным.

— Пока я, — сказала Вера. — Возможно, человек с доступом к школьной системе. Возможно, тот, кто сравнил бумажный журнал с карточкой.

— Тогда не делай из совпадения признание.

— Не делаю.

Лариса прочла лист второй раз и подписала: «Разрешаю сохранение резерва по запросу полиции. Рабочую карточку заморозить». Под подписью поставила точное время.

Олег нажал кнопку.

Окно попросило подтвердить, что возврат в рабочий режим невозможен без нового разрешения администратора. Олег прочитал предупреждение вслух. Лариса подтвердила своим паролем. Потом система потребовала вторую подпись. Галина ввела код старшего оператора.

Красная рамка вокруг карточки стала серой. На месте адреса появилась надпись: «Передано на разбор. Только чтение».

— Всё, — сказал Олег. — Назад быстро не вернём.

В ту же секунду на пульте Максима вспыхнул синий сигнал.

Все повернулись.

Максим надел гарнитуру.

— Городская линия помощи. Я вас слышу.

Он слушал, затем посмотрел на Веру и прикрыл микрофон ладонью.

— Молчат. Канал внутренний.

— Не переводи на старую карточку, — сказала Лариса. — Создавай новую как неизвестное обращение.

— Без адреса?

— Без адреса. Пиши только то, что слышишь.

Это было первым решением Ларисы за ночь, с которым Вера согласилась без оговорок.

Максим убрал ладонь.

— Если вы не можете говорить, нажмите любую клавишу.

В наушниках раздался тон. Один короткий, пауза, два коротких.

— Слышу нажатия, — сказал Максим. — Вы в опасности сейчас?

Один короткий.

— Один — да, два — нет. Вы в опасности?

Один.

Вера встала за его плечом, но не приближалась к микрофону. На экране новая карточка получила номер. Поля адреса и имени оставались пустыми.

— Вы можете назвать город? — спросил Максим.

Тишина. Потом три нажатия, слишком быстрых для их условного кода.

— Не угадывай, — шепнула Вера. — Повтори вопрос проще.

— Вы находитесь в нашем городе?

Два коротких.

Вера почувствовала, как зал стал ещё холоднее. Если ответ был правдивым, они искали не там. Если сигнал был подставным, кто-то снова уводил их от проверяемого места.

— Вы ребёнок? — спросил Максим.

После паузы прозвучало два сигнала.

— Взрослый, — сказала Галина.

— Или отказывается от роли, которую мы ему дали, — ответила Вера.

Максим продолжил:

— Вы можете сказать одно слово?

За линией что-то зашуршало. Послышался вдох, затем женский голос произнёс:

— Семь.

Связь оборвалась.

Олег ударил по клавише сохранения. Новая карточка

осталась открытой, не связанной со старой. На ней были только канал, время, последовательность сигналов и одно слово.

— Теперь это уже не совпадение, — сказал Тимур.

— Совпадением может быть всё, — ответила Лариса. —

Но кто-то знает, на что Вера отреагирует.

— Ты тоже знаешь, — сказала Галина.

— После этого разговора знают все здесь.

Она была права. Семь минут перестали быть тайной в тот миг, когда Вера произнесла их вслух. Любой оператор мог повторить слово. Но звонок пришёл почти сразу после заморозки карточки. Тот, кто звонил, либо видел действия системы, либо находился в зале, либо заранее рассчитал момент.

— Откуда канал? — спросила Вера.

Олег открыл техническую строку.

— Не из переговорной. Вход через старый резервный шлюз.

— Где он физически?

— В подвале и дублируется на крыше. Через него раньше принимали городские таксофоны и аварийные кнопки. Сейчас должен быть отключён.

— Должен или отключён?

— Сейчас проверю.

Он набрал инженера дежурной сети. Пока ждал ответа, на экране резервной копии появился первый пакет. Потом второй. Архив разворачивался медленно, по одному файлу,

словно кто-то проталкивал их через узкую щель.

— Не открывай содержимое без копии, — сказала Вера.

— Сначала контрольная сумма, потом копия. Я помню.

— Объясни по-человечески, — попросила Галина.

— Система считает для каждого файла длинный набор знаков, как отпечаток. Если потом хоть одна буква изменится, набор станет другим. Я записываю отпечаток до просмотра.

— Вот так и пиши в журнале.

Олег записал.

Дежурный инженер ответил. Резервный шлюз действительно числился выключенным три года назад, но физически его не снимали. Он получал питание через старую линию, которую сохраняли на случай большого отключения электричества.

— Кто может его включить? — спросила Вера.

— Из серверной любой инженер с ключом. Удалённо — администратор сети.

— Олег выходил из зала во время звонка?

— Я стоял здесь, — сказал он. — Меня видели.

— Я спрашиваю не чтобы обвинить. Нам нужен список действий.

— Включение должно попасть в журнал питания, — ответил он после короткой паузы. — Не в диспетчерский архив. В отдельный шкаф автоматики.

— Он доступен из этого зала?

— Нет. Только с инженерного поста.

Лариса взяла рацию охраны.

— Никого не пускать в подвал и серверную до прихода полиции. Оба входа поставить под камеру. Инженерный пост опечатать нельзя, там рабочее оборудование, но журнал питания не трогать.

Вера записала распоряжение и время. Правильное действие снова исходило от Ларисы. Если она управляла подменной, то умела перекрывать собственные пути так, чтобы выглядеть человеком, который спасает данные. Если не управляла, Вера превращала каждую её попытку помочь в подтверждение подозрения.

— Пришёл первый блок, — сказал Олег.

На экране появились пакеты с 8842-го по 8880-й. В столбце источника повторялся код планшета руководителя смены. Действия были простыми: запрос служебной карточки, копирование шаблона, загрузка звукового файла.

— Время? — спросил Тимур.

— 22:14:02. Потом ещё пакеты.

Следующая часть показала создание внутреннего вызова. В поле адреса стояла Полевая, 18. Источник адреса — не база школ и не голос абонента, а «шаблон учебной тревоги».

— Вот откуда адрес, — сказала Галина.

— Кто выбрал шаблон? — спросила Вера.

Олег открыл строку пользователя. Вместо имени там был набор букв и цифр.

— Сеансовый ключ руководителя смены.

Все посмотрели на Ларису.

Она не побледнела и не отступила. Только положила ладони на край стола.

— Мой ключ хранится на планшете. Планшет до начала смены лежал в зарядном шкафу.

— Кто его выдал? — спросила Галина.

— Я сама забрала в 22:05.

— До переговорной?

— Да.

— Значит, в 22:14 он был у тебя.

— Был. Я проверяла комнаты и держала планшет при себе.

— Ты загружала файл?

— Нет.

— Передавала планшет кому-то?

— Нет.

Вера смотрела не на лицо Ларисы, а на её руки. Правая ладонь прикрывала левую, большой палец гладил сустав — старый жест, появлявшийся, когда Лариса удерживала гнев.

— Сеансовый ключ доказывает устройство, не человека, — сказала Вера.

Галина резко повернулась к ней.

— Ты её защищаешь?

— Я защищаю порядок доказательств. Иначе утром нам скажут, что планшет взломали, а мы уже решили всё по

взгляду.

— Его могли взломать? — спросил Тимур.

Олег пожал плечами.

— Теоретически. Практически нужен доступ или дыра в программе. Проверять должен специалист, который не работал с этим архивом.

— Вот и проверит, — сказала Лариса. — А пока планшет отдаём полиции.

— После завершения копии, — ответил Олег.

— После копии.

На телефон Веры пришло сообщение от Тамары Петровны: «Аня легла на диване, не спит. Вторых звонков не было». Вера показала его Галине, чтобы время оказалось у свидетеля, и ответила только: «Принято. Дверь не открывать. Перезвоню в 01:15».

Резерв выгрузил последние пакеты провала. В 22:20:49 сеансовый ключ руководителя отправил команду скрыть вызов как учебный. В 22:21:03 планшет синхронизировался с рабочим архивом. Следом появилась запись, что журнал очищен автоматически из-за сбоя мобильной сессии.

— Автоматически, — прочитала Лариса. — Вот ваше удаление.

— Команда скрытия не автоматическая, — сказал Олег.

— Но очистка могла быть следствием ошибки.

— Могла. Это не меняет создания ложного адреса.

Галина провела линию под новой записью в тетради.

— Что мы теперь знаем точно?

Вера перечислила:

— В 22:14 с планшета руководителя загрузили звук и создали вызов по учебному шаблону. В 22:20 вызов скрыли как учебный. В 22:21 планшет синхронизировался. Рабочий архив потерял этот промежуток. Мы не знаем, кто держал планшет в момент каждой команды. Лариса говорит, что держала его сама и команд не давала.

— И слово «семь»? — спросил Максим.

— Отдельный звонок через резервный шлюз после заморозки. Его пока не связываем ни с подростком, ни с человеком у терминала.

— А пропуск Савельевой?

— Украден или потерян до входа на Каштановую. Камера показывает женщину без ребёнка.

Лариса взяла ручку.

— Добавь: руководитель смены добровольно передала планшет для копирования и запретила доступ к серверной.

— Добавлю, — сказала Галина. — И что сначала отключила его от ноутбука.

— Добавь и это.

Они обе подписали запись.

Вера посмотрела на серую карточку. Быстрого возврата больше не было. Если голос снова назовёт настоящий адрес, его придётся проводить через новый вызов и объяснять экипажу всю цепочку заново. Она сама настояла на этом, пото-

му что иначе сырые данные исчезли бы.

На экране рядом с адресом Полевая, 18 появилась маленькая пиктограмма замка.

Семь минут вернулись в архив. И отрезали им дорогу назад.

Глава 6. Аня не отвечает

В одну пятнадцать Вера набрала Тамару Петровну и услышала шесть длинных гудков. На седьмом телефон сбросил вызов.

Она подождала пять секунд и позвонила снова. Теперь связь оборвалась после второго гудка, будто кто-то нажал красную кнопку.

— Не отвечает? — спросила Галина.

Вера покачала головой и набрала Аню. На экране появилась фотография: девочка в слишком большой соломенной шляпе шурилась на августовском солнце и делала вид, что сердится. Гудков не было. Женский электронный голос сообщил, что аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети.

В квартире Тамары Петровны сеть ловила даже в ванной. Вера сама проверяла это весной, когда составляла для опеки план на случай болезни, пожара и внезапного отъезда. Тогда Аня смеялась над папкой с прозрачными файлами и говорила, что проще поселить их обеих в пожарной части.

— В один ноль семь Тамара писала, что всё тихо, — сказала Вера.

Она положила телефон на стол, чтобы руки не закрывали экран, и показала сообщение Галине. Та внесла время в тетрадь.

— Домашний номер есть? — спросил Тимур.

— Нет домашнего. Есть соседка через стену.

Вера нашла в контактах Валентину Андреевну. Номер сохранился после того, как летом та залила Тамаре Петровне кухню и три недели спорила, кто должен сушить потолок. Сейчас та самая раздражительная соседка казалась самым надёжным человеком в городе.

Валентина Андреевна ответила сразу, но шёпотом.

— Кто это?

— Вера Нестерова. Простите за поздний звонок. Вы дома?

— А где мне ещё быть в такое время?

— Мне нужно, чтобы вы не выходили на лестницу. Просто послушайте: у Тамары Петровны тихо?

— После вашей полиции весь этаж не спит. Сейчас тихо.

— Свет под дверью видно?

— Из моей квартиры не видно. Что случилось?

— Она перестала отвечать. Не стучите и не звоните ей. Посмотрите в глазок, открывая дверь не надо. Видите площадку?

В трубке зашуршала ткань. Потом скрипнула половица.

— Вижу её дверь. И вашу полицейскую бумажку на ручке.

— Какую бумажку?

— Полоску, которую молодой приклеил. Сказал, если дверь откроют, порвётся.

Вера не знала о контрольной полоске. Сотрудник полиции, проверявший квартиру, мог оставить её после осмотра,

чтобы заметить новый выход. Мог и не оставлять. Просить соседку рассмотреть ближе означало вытянуть её на площадку.

— Полоска целая?

— Отсюда вроде да. Света под дверью нет.

— Никого на площадке?

— Никого. Лифт на первом. Вы мне скажете, что происходит?

— Пока не знаю. Заприте дверь и не открывайте, даже если назовутся школой или полицией. Настоящий сотрудник сначала позвонит вам с номера дежурной части, который я сейчас пришлю.

— Я никаких сотрудников ночью не жду.

— Это правильно. Спасибо.

Вера закончила разговор и переслала Валентине Андреевне номер, с которого ей звонил полицейский. Потом набрала его сама. Он ответил не сразу; на фоне хлопнула дверь машины.

— Нестерова, что у вас?

— В один ноль семь было сообщение от Тамары Петровны. В один пятнадцать она не ответила дважды, второй звонок сбросили. Телефон Ани выключен. Соседка через глазок видит дверь, контрольная полоска целая. Вы оставляли полосу?

— Оставляли. Они собирались ночевать там и никому не открывать.

— Полоска показывает только открытие наружу?

— Показывает, что дверь двигалась. Если держится, скорее всего, не двигалась.

— «Скорее всего» недостаточно.

— Согласен. Ближайший наряд уже не у дома. Отправлю другой на проверку.

— Сколько времени?

— Семь-восемь минут, если не снимут на срочное.

Семь. Вера сжала край стола. Сотрудник не мог знать, каким стало это число внутри зала. Обычный ответ, обычный городской промежуток. Она заставила себя не искать намерения там, где был только расчёт маршрута.

— Не говорите в эфире имён Ани и Тамары Петровны, — сказала она. — Назовите квартиру после подтверждения экипажа по закрытому каналу.

— Причина?

— Ложные вызовы создавались внутри диспетчерской системы. Я не знаю, кто слышит радио.

Сотрудник помолчал.

— Передам как проверку связи по ранее установленному адресу. Номер квартиры сообщу экипажу по телефону. Вы остаётесь там?

Вера посмотрела на стеклянные двери зала. За ними тянулся коридор к лифтам. До улицы можно было дойти за три минуты. До дома Тамары Петровны — за двадцать пять, если машина найдётся сразу и ночные светофоры будут пустыми.

— Пока да.

— Тогда ждите моего звонка. Сами никого не отправляйте.

Она положила телефон.

— Правильно, — сказала Лариса. — Здесь ты полезнее.

Вера услышала это как разрешение и тут же возненавидела себя за такую реакцию.

— Решать не тебе.

— Конечно. Но если побежишь домой, быстрее полиции не окажешься. Зато оставишь человека, который знает голоса, даты и дело Киры.

— Ты слишком быстро посчитала дорогу.

— Потому что полчаса назад сама отправляла туда наряд.

Лариса говорила спокойно. На её столе планшет лежал в прозрачном пакете, отключённый от сети. Олег приклеил на край пакета бумажную ленту и поставил подпись. Рядом продолжал работать ноутбук с копией архива. Ни одного движения, которое можно было бы назвать тайным. И всё же именно с её сеансовым ключом был создан ложный вызов.

Вера снова набрала Тамару Петровну. Шесть гудков. Никто не ответил.

— Позвони с другого номера, — предложил Максим. — Может, твой заблокировали случайно.

— Не будем засыпать квартиру звонками. Если там опасность, звук выдаст их местоположение. Если они спят, полиция разбудит.

— А если телефон просто на беззвучном?

— Тогда проверка это установит.

Она сама не верила в сон. В один ноль семь Тамара Петровна написала, что Аня не спит. Вера обещала позвонить через восемь минут. Та не могла забыть. Она держала слово с болезненной точностью, особенно когда речь шла о чужом ребёнке.

Галина подвинула к Вере стакан воды.

— Запиши варианты, — сказала она. — Не в голове.

Вера открыла чистый лист тетради.

Первое: оба телефона разрядились или потеряли сеть.

Второе: Тамара Петровна увела Аню из квартиры, несмотря на договорённость; полоска должна быть порвана.

Третье: они остаются внутри и не могут ответить из-за сна, плохого самочувствия или угрозы.

Четвёртое: сообщение в один ноль семь отправила не Тамара Петровна.

Она остановилась.

— Последнее проверяется? — спросила Галина.

— По одному сообщению — почти нет. Стилль похож. Она всегда пишет «вторых звонков», а не «больше не звонили». Но это мог знать тот, кто видел нашу переписку.

— Кто видел?

— Телефон был у меня. Сообщение я показала тебе. Экран мог попасть на камеру зала.

Олег поднял взгляд.

— Камеры пишут без звука, разрешение невысокое. С толка текст не прочитать.

— А удалённая копия телефона?

— Если учётную запись взломали, возможно всё. Но это уже новая гипотеза без признаков.

— Значит, не считаем её фактом.

Вера провела линию под четырьмя вариантами. Бумага не успокаивала, зато не давала страху притвориться знанием.

На общем экране мигнула новая карточка: мужчина застрял в лифте на Привокзальной. Максим принял вызов, проверил адрес и передал его аварийной службе. Жизнь города продолжалась поверх их ночи. Где-то человек стоял в тесной кабине и ждал, когда незнакомые операторы не перепутают дом. Здесь любая ошибка становилась личной только после того, как в карточке появлялось знакомое имя.

— Я могу взять машину охраны, — сказала Вера.

— Не можешь, — ответила Лариса. — Машина охраны не такси, водитель сейчас у центра на Каштановой.

— Тогда вызову обычную.

— И приедешь после полиции.

— Но приеду к Ане.

Лариса встала. Между ними оставался стол, заставленный телефонами и листами.

— Если ты решила ехать, езжай. Только скажи, кому передаёшь работу с голосом и делом Киры. Я не удерживаю тебя.

Вера ждала нажима, запрета, хотя бы напоминания об ответственности. Лариса дала ей выход. От этого выход стал подозрительнее.

— Не делай так, — сказала Вера.

— Как?

— Не превращай мой выбор в проверку.

— Его уже превратили. Не я заставила их перестать отвечать ровно к обещанному звонку.

В зале стало тихо. Даже Максим, продолжавший разговор с застрывшим мужчиной, отвернулся от них.

— Откуда ты знаешь, что ровно к обещанному? — спросила Вера.

Лариса указала на бумажный журнал.

— Ты вслух сказала: «Перезвоню в один пятнадцать». Потом показала сообщение Галине. Я стояла в трёх метрах.

Это было правдой. Вера вспомнила, как читала ответ, как положила экраном вверх телефон. Любая угроза могла родиться в зале после её слов. Но тогда человек должен был за восемь минут заставить замолчать два телефона в другой части города. Или просто знать, что они уже замолчали.

Телефон завибрировал. Незнакомый городской номер.

Вера включила громкую связь не сразу.

— Вера Сергеевна? — мужской голос был молодым и торопливым. — Это старший лейтенант Корнеев. Мы у нужного подъезда. Коллега передал ваш номер.

— Назовите номер материала.

Он назвал те же цифры, которые Галина записала при запросе на сохранение архива.

— Хорошо. Не называйте фамилий в подъезде. На этаже соседка, она предупреждена не открывать.

— Принято. Поднимаемся пешком, лифт не вызываем.

Связь не оборвалась. Вера слышала тяжёлое дыхание, шаги по лестнице, щелчок двери между этажами. Каждый пролёт занимал слишком долго. Она считала удары подошв и сбилась на третьем этаже.

— Мы на площадке, — сказал Корнеев тише. — Контрольная полоска цела. Света не видно. Звоню.

Через телефон донеслась трель квартирного звонка. Один раз, второй. За дверью ничего.

— Тамара Петровна, полиция, — громко сказал он. — Подойдите к двери, не открывая. Ответьте голосом.

Тишина.

— Есть запах газа, дым, вода из-под двери? — спросила Вера.

— Нет. Напарник смотрит снаружи окна. Шторы закрыты, свет не горит.

— У неё диабет, — сказала Вера. — Второй тип, таблетки. Тяжёлых приступов не было.

— Ключ у кого-нибудь есть?

У Веры был. На связке в сумке, в диспетчерской, через полгорода от двери.

— У меня.

— Ещё?

— У её сына, он живёт в другом городе. Запасной мог остаться у консьержки, но подъезд без постоянной консьержки. Там дежурят по графику.

— Сейчас внизу никого.

Вера представила узкий коридор квартиры. Справа вешалка, слева кухня. Диван в большой комнате, где должна была лежать Аня. Если Тамара Петровна упала, девочка вызвала бы помощь. Если Аня потеряла сознание, Тамара Петровна ответила бы. Две одновременно разряженные батареи выглядели нелепо, две одновременно молчащие женщины — хуже.

— Вскрывайте, — сказала Вера.

Корнеев не ответил сразу.

— Вы собственник?

— Нет. Я опекун несовершеннолетней, которая внутри. Есть основания считать, что ей угрожали: неизвестный пытался попасть к ней под видом сотрудника школы. После проверки полиции оба телефона перестали отвечать. У вас есть эти сведения в материале.

— Есть. Решение принимает дежурный. Я уже докладываю.

Послышался второй голос, слов не разобрать. Потом Корнеев спросил:

— Окна на какой стороне?

— Большая комната во двор, кухня на улицу. Пятый этаж.

— Напарник видит двор. Движения нет. Ждём разрешение и спасателей, максимум несколько минут.

— Если я сейчас выеду с ключом, буду через двадцать пять.

— Это дольше. Оставайтесь на связи.

Фраза прозвучала без скрытого смысла, но Вера всё равно посмотрела на название новой карточки на экране: «Неизвестное обращение». Оставайтесь на связи. Не отключайся. Слова, которыми взрослые удерживают друг друга возле аппарата, когда не могут удержать возле жизни.

— Я остаюсь, — сказала она.

Она не знала, кому именно отвечает: полицейскому, Ане, залу или себе.

Лариса села на место и больше не вмешивалась. Галина записала время решения вызвать спасателей. Тимур попросил у полиции позывной экипажа и проверил, что в открытом радиоэфире не звучит адрес. Олег открыл журнал внешних соединений, не касаясь замороженной карточки.

— Зачем? — спросила Вера.

— Проверяю, не ушёл ли звонок на их адрес из нашей системы после один ноль семь. Если кто-то создал ещё одну карточку, она могла не попасть на общий экран.

— И снова закроешь путь назад?

— Нет. Только чтение. Выгрузку не делаю.

На этот раз он проговорил цену действия до нажатия. Вера кивнула.

Журнал показал три обычных вызова из района: шум во дворе, боль в груди, сломанный шлагбаум. Адреса Тамары Петровны не было. Служебных исходящих на её номер — тоже.

— Значит, из здания не звонили? — спросила Галина.

— Через официальный шлюз не звонили. Обычный мобильный здесь не появится.

— Сколько личных телефонов в зале?

Лариса посмотрела на неё.

— У каждого.

— И кто угодно мог выйти в туалет.

— Кто угодно, — повторила Лариса. — Включая Веру.

Галина захлопнула тетрадь.

— Она звонила ребёнку при нас.

— Я не обвиняю. Я не позволяю строить список, в котором заранее оставлен удобный виноватый.

Вера хотела возразить, но не смогла. Та же осторожность, которой она защищала Ларису перед сырой копией, теперь обернулась против неё. Именно так и должен был работать честный порядок: неприятно для каждого.

— Запиши всех, кто выходил из зала с полуночи, — сказала она Галине. — Меня тоже. Без выводов.

— Камеры покажут точнее, — сказал Олег.

— Камеры нельзя смотреть с планшета руководителя. Нужна копия у охраны и отдельный свидетель.

Лариса взяла внутренний телефон и вызвала старшего

охранника. Попросила сохранить запись коридора с двадцати двух часов, ничего не вырезать и не приносить носитель в зал до полиции. После разговора назвала Галине время.

Правильное действие. Снова.

Из телефона Веры донёлся металлический удар. Потом ещё один.

— Начали вскрытие, — сказал Корнеев. — Полоску сняли при камере. Спасатель работает с замком.

Вера встала, хотя сидеть и стоять было одинаково бесполезно.

Первый удар пришёлся по металлу. Второй был глуше. За ним посыпалось что-то мелкое, наверное, штукатурка возле дверной коробки. Вера вспомнила, как Тамара Петровна выбирала эту дверь и хвалилась внутренними штырями: «Теперь хоть трактором тяни». Тогда над ней посмеялись. Теперь каждая защита от чужого человека задерживала помощь.

— Открыто, — сказал Корнеев. — Заходим.

Шорох, быстрые команды, шаги.

— Полиция! Кто в квартире?

Никто не ответил.

Вера перестала дышать.

— Большая комната пустая. На диване одеяло и подушка. Кухня пустая. Ванная... пустая. В квартире никого.

— Не может быть, — сказала она.

— Проверяем балкон и шкафы.

— Балкона нет. Кладовка у кухни.

— Пусто. Следов борьбы не вижу. Окна закрыты. На столе две кружки, чай ещё тёплый.

— Телефоны?

— Один аппарат на кухонном столе. Сейчас... принадлежит Тамаре Петровне, судя по заставке. Без звука, заряд семьдесят процентов. Второго не вижу.

— Проверьте последние действия, не открывая сообщения. Был ли исходящий звонок после одного ноль семь?

— Телефон заблокирован. Трогать без оформления не буду. Здесь записка.

— Какая?

Бумага зашуршала.

— Написано от руки: «Вера, не звони. Ане нужно домой. Мы ушли сами». Подпись «Тамара».

Вера закрыла глаза. Тамара Петровна никогда не писала «Ане нужно домой». Она говорила «в прежнюю квартиру», «к маминым вещам», иногда — «на старое место». Домом считала там, где ребёнок был в безопасности, и однажды резко поправила этим словом сотрудницу опеки.

— Сфотографируйте записку на месте, — сказала Вера.

— Не складывайте. Есть вдавленные следы на листе, оторванный край, ручка рядом?

— Ручка рядом, синяя. Лист из блокнота на холодильнике.

— Почерк её?

— Вы меня спрашиваете?

— Нет. Не устанавливайте по моим словам. Просто сохраните.

Корнеев попросил напарника снять кухню и записку. Потом снова подошёл к телефону.

— Ключи хозяйки лежат в блюде у двери. Верхняя одежда на месте: женское пальто и куртка, возможно подростковая. Обувь... две пары у коврика. Какие именно должны быть?

— У Ани белые кеды и чёрные ботинки. Она была в чёрных ботинках. У Тамары Петровны коричневые полусапоги.

— Белые кеды стоят. Коричневые полусапоги стоят. Чёрных ботинок нет. Ещё нет короткой серой куртки? Здесь длинное тёмное пальто и синяя куртка.

— Серая куртка Ани. Синяя — Тамары Петровны.

Значит, Аня оделась и вышла. Тамара Петровна могла уйти в домашней кофте и другой обуви, но ключи оставила. Дверь после их ухода кто-то закрыл снаружи или она захлопнулась сама. Контрольная полоска при этом должна была порваться.

— Полоска точно была цела до вскрытия? — спросила Вера.

— Да. Снято на нагрудную камеру. Клеилась снаружи от полотна к коробке. Если дверь открывали, не могла остаться целой.

— Окно лестницы?

— Пятый этаж, решётки и пожарной лестницы нет. Из квартиры другой выход отсутствует.

Комната словно наклонилась. Условия не сходились. Две женщины ушли, но дверь не открывалась. Записка утверждала добровольный уход, но одежда и телефон остались. Ложка лежала на кухонном столе и приглашала Веру выбрать одну удобную невозможность.

— Контрольную полосу могли заменить, — сказал Тимур.

Корнеев услышал.

— Могли. Материал обычный, метки на ней нет. Сотрудник приклеил белую полосу и расписался поперёк. Подпись на снятой есть, но сравнивать будем отдельно.

— Кто знал о полоске? — спросила Вера.

— Двое сотрудников, я после доклада, люди в квартире. Возможно, соседка видела.

— И любой, кто подошёл к двери.

— Да.

Вера посмотрела на Ларису. Та не отвела взгляд.

— Камера подъезда? — спросила Вера.

— Внизу есть, но изображение выводится в управляющую компанию. Уже запрашиваем. Дворовая камера магазина смотрит на вход.

— Не сообщайте по диспетчерской сети, что квартира пуста. Только своему дежурному по телефону.

— Уже. Объявляем поиск несовершеннолетней и взрос-

лой сопровождающей. Нужны фотографии и описание.

— Отправлю прямо вам и дежурному. Фотографии не публиковать без решения полиции и опеки.

— Разумеется.

Вера выбрала две недавние фотографии: Аня у школьной доски после спектакля, Тамара Петровна на даче. Отправила их Корнееву вместе с одеждой и ростом. Палец задержался над снимком Ани. На нём девочка улыбалась не фотографу, а кому-то справа. Там стояла Вера, державшая бумажную корону из реквизита.

Она не поехала к ней.

Эта мысль вошла без оправданий. Вера осталась в диспетчерской, пока полиция вскрывала пустую квартиру. Решение было разумным: здесь находились источники ложных вызовов, отсюда кто-то мог управлять маршрутом поиска, полиция прибыла раньше неё. Но разумность не отменяла цену. Если Аня спросит, почему Вера снова выбрала работу в ту минуту, когда ей было страшно, ответ нельзя будет заменить расчётом минут.

— Я еду, — сказала Вера.

— Куда? — спросила Галина.

— Не к пустой квартире. В прежний дом Ани. В записке сказано «домой». Она вечером просилась туда.

— И тот, кто написал записку, хочет, чтобы ты так решила, — сказала Лариса.

— Поэтому адрес проверит полиция, не я.

Вера сказала Корнееву адрес прежней квартиры. Он уже был в опекунских документах, но не в текущем материале. Корнеев записал и пообещал направить экипаж без объявления причины в открытом эфире.

— А вы оставайтесь на месте, — добавил он. — Нам нужно понять, откуда идут ложные маршруты. Пока ваши люди сохраняют данные, это полезнее поездки по адресам.

Вера закончила разговор.

— Полиция попросила остаться, — сказала Галина.

— Я слышала.

— Ты не обязана доказывать любовь дорогой через весь город.

— Я и не докажу её здесь.

— Тогда докажи тем, что не позволишь снова отправить экипаж в пустое место.

Галина открыла тетрадь и написала крупно: «01:32. Квартира пуста. Записка не подтверждена». Подчеркнула последние два слова.

Вера села.

Она сделала выбор второй раз. Первый — не ехать до проверки. Второй — остаться после того, как квартира оказалась пустой. Теперь нельзя было говорить, что её удержала неожиданность. Она оставалась намеренно, потому что тот, кто составлял эту ночь, хотел управлять именно дорогами: заставить машину повернуть, оператора открыть карточку, мать или опекуна сорваться с места. Погоня за каждой под-

сказкой была тем же послушанием, только замаскированным под заботу.

— Что у нас независимо от записки? — спросила она.

Тимур ответил первым:

— Полиция видела пустую квартиру. Полоска при прибытии была цела. Телефон Тамары внутри и заряжен. Чёрных ботинок и серой куртки Ани нет. Чай тёплый.

— Время чая неизвестно, — сказала Вера.

— Измерят температуру, если криминалисты успеют. Но это только ориентир.

Галина добавила:

— В один ноль семь с телефона Тамары пришло сообщение. Кто отправил — неизвестно.

Олег развернул монитор.

— И ещё одно. В один ноль восемь резервный шлюз снова вышел на связь. Не звонил. Только проверил доступность канала.

— Сразу после сообщения?

— Через сорок одну секунду.

— Почему мы увидели это только сейчас?

— Потому что смотрели журнал внешних соединений. Проверка доступности там отображается отдельной строкой. Я не выгружал файл, просто нашёл время.

Лариса наклонилась к экрану.

— Источник?

— Тот же старый шлюз. Но запрос пришёл не из подвала.

Его подняли удалённой командой с инженерного поста.

— Кто был на инженерном посту в один ноль восемь?

Олег медленно повернулся к стеклянной стене. За ней коридор изгибался к служебным помещениям.

— По графику дежурный инженер Савин. Но десять минут назад охрана сказала, что пост пуст.

— Где Савин?

Лариса взяла рацию.

Охранник ответил после треска помех. Савина искали на первом этаже и в комнате отдыха. Его куртка висела у служебного входа, машина стояла на месте. Телефон звонил в закрытом шкафчике.

— Подвал и серверную не открывать, — повторила Лариса. — К инженерному посту никому не подходить. Пусть полиция проверяет.

Она положила рацию.

— Теперь у нас пропал ещё и взрослый, — сказал Максим.

— Не пропал, — резко ответила Вера. — Мы пока не нашли его на рабочем месте. Это разные вещи.

Но разница уже стала тонкой.

На её телефоне загорелось новое уведомление. Не сообщение — системная карточка школьного приложения, через которое родители записывались на консультации. В один тридцать четыре кто-то запросил встречу на имя Анны Нестеровой.

Тема встречи состояла из трёх слов:

«Ты всё выбрала».

Вера показала экран Галине и не коснулась уведомления.

— Не открывать, — сказала она. — Сначала снимок экрана, время и независимая копия у полиции.

Лариса смотрела на фразу через стол.

— Это школьная система. Я к ней доступа не имею.

— Я пока не спрашивала, — ответила Вера.

Она сфотографировала экран телефоном Галины, затем своим аппаратом переслала снимок Корнееву. Открыть карточку означало отметить её прочитанной и, возможно, показать отправителю, что удар достиг цели. Ещё один путь назад закрылся бы одним касанием.

Вера убрала палец.

Аня не отвечала. Тамара Петровна исчезла из запертой квартиры. Инженера не нашли на посту. Тот, кто вёл эту ночь, больше не пытался убедить Веру в одной версии. Он предлагал ей несколько и ждал, какую она выберет сама.

Вера подняла глаза на часы.

Было 01:35.

— Никто не открывает школьную карточку, — сказала она. — И никто не едет по записке. Сначала устанавливаем, кто и откуда сделал действие в один ноль восемь.

Лариса кивнула, словно именно этого ответа и ждала.

Это было хуже несогласия.

Глава 7. Смена по правилам

Лариса принесла из своего кабинета белую доску на колёсах и поставила её поперёк прохода между рабочими рядами.

На доске ещё оставались следы дневного совещания: синие кружки, стрелка к слову «срок» и половина стёртой фамилии. Лариса провела по пластику сухой салфеткой. Серые разводы стали шире, но не исчезли. Тогда она взяла чёрный маркер и написала поверх них три строки.

«Текущие вызовы».

«Проверка сбоев».

«Поиск людей».

— С этой минуты не смешиваем, — сказала она. — Максим и Тимур держат текущую смену. Олег работает со сбоями только рядом с полицейским или под камерой. Вера передаёт сведения по Ане, Тамаре Петровне и Савину напрямую дежурной части. Галина продолжает бумажный журнал. Любое действие вслух, время до и после.

Она обвела каждую строку прямоугольником. Получилось аккуратно и убедительно, как памятка при пожаре.

Вера смотрела на доску и думала о том, что правильный порядок не отвечает на вопрос, кто решил его ввести. Ровно так же чистая подпись на контрольной полоске не доказывала, что дверь не открывали. Она лишь показывала, какой

должна была быть дверь после проверки.

— И четвёртая строка, — сказала Вера.

Лариса повернулась.

— Какая?

— Решения руководителя смены. Кто их предлагает, кто подтверждает, на каком основании. Ты не можешь остаться за рамкой только потому, что сама нарисовала рамку.

Максим перестал печатать. Тимур снял один наушник. Лариса не ответила сразу. Маркер в её руке тихо поскрипывал по доске, хотя наконечник не касался пластика.

Потом она дописала:

«Решения Л. Беловой — с подтверждением Г. Седовой».

— Устраивает?

— Нет, — сказала Вера. — Но проверяется.

Галина поставила рядом со строкой время: 01:39. Подпись дала после короткой паузы.

— Я подтверждаю только то, что слышала и поняла, — предупредила она. — Если меня торопят, пишу «не подтверждаю».

— Так и надо, — ответила Лариса.

Она вернулась к своему столу. Шла спокойно, не ускоряясь и не задевая кресел. Вера знала эту походку двадцать лет. Так Лариса входила в кабинет директора после драки в институтском общежитии, так появлялась в больнице, когда у матери Веры случился инсульт, так привозила ночью запасные ключи, лекарства, чистую рубашку. Она никогда не бе-

жала там, где бегущий выглядел виноватым или беспомощным.

На общем экране прибавились две зелёные карточки и одна жёлтая. В городе пахло газом в подъезде на Лесной, женщина не могла поднять с пола мужа, а во дворе у вокзала кричал человек с разбитым лицом. Максим принял первый вызов, Тимур передал второй, Галина записала третий. Их голоса стали короче. Каждая фраза называла действие, адрес и время.

Лариса надела гарнитуру и подключилась к газовой службе.

— Не объясняйте жильцам, что это, — сказала она оператору. — Пусть выйдут без лифта и не включают свет. Подтвердите, когда машина тронется.

Она работала без ошибки. От этого Вере было труднее, а не легче. Если бы Лариса путалась, давила, запрещала записывать, подозрение обрело бы простую форму. Но она спасала неизвестных людей тем же голосом, которым полчаса назад советовала Вере не ехать к Ане.

Телефон Веры завибрировал. Корнеев прислал короткое сообщение: прежняя квартира матери Ани проверяется, внутри никого не видно, дверь закрыта, признаков взлома нет. Камеры у дома Тамары Петровны запросили. Публичное сообщение о розыске пока не давали.

Вера показала экран Галине. Та внесла строку в тетрадь и продиктовала её вслух. Лариса не повернулась.

— Теперь школьная карточка, — сказала Вера. — Мне нужен компьютер без входа в диспетчерскую сеть.

— Ноутбук полиции, — предложил Тимур.

— Полицейских ещё нет в зале.

— Телефон Галины?

— Мы уже сняли им экран. Не хочу заходить в школу с чужого личного устройства.

Олег указал на гостевой терминал у стены. Им пользовались для инструктажей и видеосвязи с другими службами. После полуночи он показывал заставку с городским мостом.

— Там отдельный интернет, — сказал он. — К рабочей сети кабель не подключён. Но сначала я сниму состояние и перезагружу с проверочного накопителя.

— Не надо ничего вставлять до полиции, — возразила Вера.

— Тогда только сфотографируем разъёмы и включим запись с камеры зала. Откроем сайт школы без входа в твою учётную запись.

— Что это даст?

— Увидим, можно ли отправить запись без пароля.

Лариса закончила разговор с газовой службой и подняла ладонь.

— Сначала текущая смена. У нас три оператора вместо пяти, инженер неизвестно где, старый шлюз работает сам по себе. Гостевой терминал может понадобиться для связи с управлением.

— Понадобится или уже нужен? — спросила Вера.

— Через десять минут будет селектор.

— Откуда ты знаешь?

— Я его назначила.

— Когда?

— Только что, пока ты говорила с Корнеевым.

Галина подняла ручку.

— Решение руководителя, — напомнила она.

Лариса медленно выдохнула.

— В один сорок назначила связь с дежурным управлением на два часа. Причина: нарушения маршрутизации, отсутствие инженера на посту, необходимость резервной схемы. Предлагаю не занимать гостевой терминал до конца селектора.

Галина записала.

— Не подтверждаю запрет, — сказала она. — Терминал можно освободить за минуту. Проверку школьной формы подтверждаю, если не вводить пароль Веры и не открывать само уведомление.

На лице Ларисы ничего не изменилось, но она слишком аккуратно положила гарнитуру на стол.

— Хорошо. Пять минут. Камера должна видеть экран и руки.

Олег повернул гостевой терминал так, чтобы потолочная камера снимала его сбоку. Вера сфотографировала порты, наклейку с номером имущества и погасший индикатор се-

тевого разъёма. Галина записала время включения. Олег не касался клавиатуры, пока они не закончили.

Школьный сайт открылся медленно. На главной странице висело объявление о ремонте спортзала. Форма записи к специалистам находилась в разделе для родителей. Вера продиктовала путь, не заходя в личный кабинет.

Поля были простыми: имя ребёнка, класс, имя взрослого, телефон, тема обращения. Внизу стояла галочка согласия на обработку данных и кнопка «Отправить». Ни пароля, ни номера договора сайт не требовал.

— Значит, написать могла любая страна мира, — сказал Олег.

— Написать — да, — ответила Вера. — Но уведомление пришло мне как запрос к конкретному психологу. В открытой форме специалиста выбрать нельзя.

Она показала выпадающий список. Там были только «психологическая служба», «социальный педагог» и «администрация».

— Может распределяться по классу, — предположила Галина.

— Аня не учится в моей школе.

— Тогда по фамилии?

— Система так не умеет. По крайней мере не должна.

Вера не стала произносить: «Кто-то вошёл внутрь». Сайт мог измениться после обновления. Уведомление могло выглядеть личным, хотя было общим. Тот, кто вписал имя Ани,

знал не только её фамилию, но это знали десятки людей в школе, опеке и диспетчерской после первых разговоров.

— Нам нужен журнал сайта, — сказал Олег.

— Его ведёт подрядчик, — ответила Вера. — Дежурного номера у меня нет.

— У директора есть.

Время было 01:46. Директор Наталья Евгеньевна вставала в половине шестого и выключала телефон на ночь. Вера знала это не по слухам: два года они ездили в одну командировку и каждое утро спорили из-за первого будильника.

Она набрала номер. Автоответчик сообщил, что абонент недоступен.

— Заместитель? — спросила Галина.

— У неё нет доступа к договору с подрядчиком.

— Всё равно звони. Она может знать аварийный номер.

Вера позвонила Светлане Игоревне. После четвёртого гудка в трубке раздался сонный мужской голос, затем шорох и раздражённое женское «алло».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.